

ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ

ПОВѢСТЬ *).

Библиот. Оренб.
Общес. Собрани

ГЛАВА I.

Около половины сороковыхъ годовъ, зима въ Петербургѣ, по увѣренію всѣхъ тогдашнихъ фельетонистовъ, была превеселая. Составъ недавно открытой итальянской оперы былъ великолѣпенъ: Рубини еще восхитительно допѣвалъ свои послѣднія пѣсни, Віардо была въ полномъ цвѣтѣ таланта, Тамбурины дополняли трію. Италиоманія была въ сильнѣйшемъ разгарѣ и вся начинающая карьеру бюрократія изъ лицейстовъ и правовѣдовъ болѣе или менѣе фальшиво напѣвала итальянскія аріи, произнося, впрочемъ,

*) Начало этой рукописи было получено нами отъ автора, за мѣсяць до его смерти, при письмѣ, отъ 26-го декабря. М. В. Авдѣевъ объясняетъ коротко свой первоначальный планъ большого романа въ формѣ трилогіи, подъ общимъ заглавіемъ: „Мои времена“. Каждая изъ трехъ повѣстей, составляющихъ этотъ романъ-трилогію, должна была имѣть самостоятельное значеніе, независимо отъ прочихъ. Вотъ потому авторъ и рѣшился приступить къ печатанію настоящей повѣсти, не ожидая окончанія всей трилогіи. „Эта повѣсть—говоритъ онъ въ письмѣ—рисуетъ литературный кружокъ (умершихъ) 40-хъ годовъ и кутитъ, группирующихся около П—овскаго, а на этой канвѣ—любовь двухъ юныхъ“. Въ концѣ января авторъ прислалъ и конецъ рукописи, изъ которой между тѣмъ явился небольшой отрывокъ въ славянскомъ сборникѣ „Братская помощь“ — съ небольшимъ одинъ листъ. Мы уже не имѣли времени отвѣчать на послѣднее письмо къ намъ автора, скончавшагося въ ночь на 1-е февраля. „Посылаю вамъ мое послѣднее сказаніе“ — такъ начиналось пророческое письмо М. В. Авдѣева. Изъ заключительныхъ словъ настоящей повѣсти видно, что она вполнѣ закончена, и авторъ собирался „для удовлетворенія любопытства читателей“ присоединить эпилогъ въ „нѣсколькихъ словахъ“, — но не успѣлъ.

Ред.

съ твердою увѣренностью только первыя слова либретто, а остальные дополняя фантастическими три-ри-ля-ля или тумъ-ту-ри-ри. Полусвѣтъ толковалъ о великолѣпныхъ балахъ княгини Бѣлорѣцкой-Бѣлонѣцкой, на которыхъ, разумѣется, не былъ; и рассказывалъ анекдоты о нѣсколькихъ молодыхъ повѣсахъ, которыхъ не зналъ. Въ литературѣ начинали блистать имена: Бѣлинскаго, Искандера, Тургенева. Майковъ плѣнялъ поклонниковъ чистаго искусства своими языческими антологіями и католическими поэмами, Фетъ безглагольными мелодіями, а Некрасовъ возмущалъ ихъ своими исполненными силы, своеобразности и житейской правды небольшими стихотвореніями, рѣзко выдѣляющимися изъ нѣжнаго и млѣющаго хора другихъ поэтовъ. Свѣтская молодежь, преимущественно изъ военныхъ, гремѣла побѣдами надъ черкесами и свѣтскими барынями, разнообразя жизнь тѣми шалостями, дуэлями и проказами, которыя доставляли извѣстность въ обществѣ и высылку на Кавказъ или въ Оренбургъ по службѣ. Политическое положеніе нашего отечества также, повидимому, не оставляло желать ничего болѣе; небольшая Пруссія и мелко-искрошенная Германія безмолвно преклонялись передъ грознымъ русскимъ колоссомъ—какъ тогда называли Россію. Австрія предательски жала ей руку; Франція съ своимъ мѣщанскимъ королемъ была вся погружена во внутреннюю борьбу и доставляла запасъ новостей всякаго рода;—коварный Альбионъ коварствовалъ молча. Внутреннее положеніе Россіи тоже, повидимому, достигало идеальнаго состоянія спокойствія и порядка—торговля и промышленность, судя по оффиціальнымъ извѣстіямъ, процвѣтали и ни одинъ недовольный голосъ не слышался громко на всемъ огромномъ пространствѣ отечества. Всеобщее убѣжденіе въ собственной силѣ было въ полномъ разгарѣ, вѣра въ закиданіе шапками — непоколебима и всякій гражданинъ, отрѣшавшійся отъ своихъ мелкихъ частныхъ дѣлишекъ и возносясь до разсужденія о положеніи своего отечества, съ глубокимъ сознаниемъ своего права на гордость, ударялъ себя въ грудь и говорилъ: «мы русскіе», что было равнозначительно самодовольному: «знай нашихъ!» Хоръ славословія, самодовольствія и самопохваленія былъ неумолкаемъ и громогласенъ, и даже большинство просвѣщенной молодежи, вездѣ болѣе или менѣе склонной къ легкомысленному вольнодумству, отчасти плѣненное спасительнымъ бюрократизмомъ, отчасти отуманенное парами нѣмецкой философіи — не заявляло никакихъ необдуманныхъ мыслей, и только небольшой кружокъ такъ-называемыхъ «ученыхъ», на которыхъ не только правительство, но и общество смотрѣло не-

дружелюбно, только оно сквозь зубы и промежь себя таинственно говорило о яркихъ краскахъ на грязномъ фонѣ и колоссѣ на соломённыхъ ногахъ — да литераторы, у которыхъ безчисленное множество разнообразныхъ цензуръ вычеркивало изъ сочиненій лучшіе куски созданія и разслабляло мысль въ ея зародышѣ — только они, развертывая испещренныя крестами корректуры, выражали свои чувства уже дѣйствительно нецензурными словами.

Въ это время Иванъ Григорьевичъ Махмуровъ жилъ въ Петербургѣ въ своемъ домѣ на Шестилавочной, которая нынѣ называется Надеждинской. Года за четыре передъ тѣмъ онъ вдался въ нѣкоторыя промышленныя компаніи, начинавшія тогда заводиться въ обществѣ, и, овдовѣвъ, нашелъ удобнымъ переселиться въ Петербургъ, гдѣ у него былъ доставшійся по наслѣдству домъ. Домъ Махмурова не принадлежалъ по характеру ни совсѣмъ къ барскимъ, ни совсѣмъ къ промышленнымъ. Это былъ довольно опрятный трехъ-этажный домъ, съ небольшимъ количествомъ квартиръ и безъ мелочной лавки внизу. Въ домѣ жилъ самъ хозяинъ и нѣсколько частныхъ жильцовъ непредосудительнаго занятія. Такіе дома почти безъ вывѣсокъ еще встрѣчаются и доселѣ въ этой мѣстности, мирно обитаемой зажиточнымъ людемъ. Жена Махмурова, какъ мы сказали, умерла лѣтъ пять назадъ, старшій сынъ его, Григорій, кончалъ курсъ въ университетѣ по юридическому факультету, младшіе двое помѣщены были въ училище правовѣдѣнія, а двѣ дочери въ Екатерининскій институтъ, откуда, по тогдашнимъ правиламъ, не отпускали ихъ домой даже на Свѣтлое Христово воскресенье, а вывозили въ городъ Петербургъ два раза въ годъ въ придворныхъ каретахъ подъ великой охраной жандармовъ, чтобъ обогнуть раза три балаганы на адмиралтейской площади.

Махмуровы занимали въ своемъ домѣ одну половину бельэтажа, но въ эту зиму, воспользовавшись переѣздомъ одного изъ жильцовъ, хозяинъ не велѣлъ наклеивать билетики на окнахъ и отдавать кому-либо всю находящуюся подъ его жильемъ квартиру перваго этажа, сказавъ своему управляющему, что ждетъ свою двоюродную сестру Анну Павловну и приказавъ меблировать и держать квартиру въ исправности.

Дѣйствительно, въ одинъ сквернѣйшій декабрьскій день большой зимній возокъ четверикомъ подѣхалъ по истертому сѣрому петербургскому снѣгу къ подъѣзду Махмуровскаго дома и съ козелъ возка соскочилъ лакей, одѣтый въ суконную шинель поверхъ полушубка, отворилъ дверцы, и изъ возка высадились сначала горничная, потомъ дѣвушка, у которой дорожный, опущен-

ный бѣлымъ мѣхомъ капоръ обрамливалъ прелестное свѣженькое личико и, наконецъ, худощавая, небольшая, закутанная въ сапогъ и шали, женщина лѣтъ за сорокъ. Приѣзжая была та самая кузина Анна Павловна, которую ждалъ къ себѣ Махмуровъ.

Кузина Анна Павловна была вдовой одного провинціальнаго чиновника и помѣщика, по фамиліи Шершанова, и приѣхала съ дочерью хлопотать по земельной тяжбѣ въ сенатъ, а кстати показать Петербургъ своей единственной дочкѣ Лизанькѣ (другія дѣти были у нея пристрастные къ службѣ и ученью—сыновья) и повидаться съ любимымъ кузеномъ.

Задуманная семейная хроника Махмуровыхъ говорила, что въ дни своей молодости Иванъ Григорьевичъ былъ не совсѣмъ равнодушенъ къ кузинѣ Аннѣ Павловнѣ. Анна Павловна въ свою очередь была совсѣмъ равнодушна къ кузену Ивану Григорьевичу, но безжалостные родители и неблагоприятныя обстоятельства разлучили влюбленныхъ. Прошли годы еще болѣе безжалостные, и кузенъ женился, а кузина вышла замужъ, нажили дѣтей, и вотъ, черезъ двадцать лѣтъ разлуки пятидесятилѣтнему кузену пришлось встрѣтиться почти съ пятидесятилѣтнею кузиною. Прѣжнихъ чувствъ, конечно, не было уже и въ поминѣ, но осталась та память сердца, которая всегда связываетъ, и послѣ этого будутъ понятны всѣмъ заботливость и радушіе, которыми готовился встрѣтить свою кузину Иванъ Григорьевичъ Махмуровъ.

Въ то, не совсѣмъ еще отдаленное отъ насъ время Москва отстояла отъ Петербурга на 100 верстъ далѣе теперешняго по дорогѣ (по шоссе считалось около 700 верстъ и до 70 часовъ по времени), ибо если экстра-почта между столицами съ точностью хронометра совершала переѣздъ съ необычайной скоростью двухъ сутокъ, то дилижансы и частные экипажи на перемѣнныхъ употребляли на это же разстояніе сутокъ трое или четверо. Телеграфа—кромѣ оптическаго, который связывалъ Петербургъ черезъ Варшаву съ Европой и вращалъ свою змѣеобразную стрѣлу на технологическомъ институтѣ—не было и въ поминѣ. Поэтому молодому читателю будетъ понятно, что Анна Павловна не могла бы и при болѣшемъ стараніи опредѣлить точно время своего приѣзда въ Петербургъ. Такъ какъ она, хотя и горѣла желаніемъ видѣть кузена такъ же платонически, какъ нѣкогда горѣло ея сердце другимъ болѣе пламеннымъ и нѣжнымъ чувствомъ къ кузену, не написала о томъ Махмурову еще изъ дому, рѣшившись на поѣздку, то приѣздъ ея былъ почти неожиданный, могъ случиться и недѣлей раньше, и двумя позже.

Узнавъ по дорожному экипажу и отъ вошедшаго лакея объ имени прїѣзжихъ, швейцаръ велѣлъ доложить господамъ, что Анна Павловна прїѣхали; затѣмъ въ домѣ поднялась нѣкоторая бѣготня, а сверху сбѣжали по лѣстницѣ къ разоблачавшимся отъ зимнихъ одеждъ прїѣзжимъ самъ Иванъ Григорьевичъ и сынъ его Григорій Ивановичъ.

Надобно сказать правду, что встрѣча двухъ когда-то влюбленныхъ другъ въ друга особъ, черезъ промежутокъ двадцати лѣтъ—была исполнена нѣкоторой радости и очень многихъ разочарованій. Увы! грустно смотрѣть на когда-то милый обликъ и замѣтивъ сразу, какъ весь, такъ-сказать, наружный переплетъ его истерся, помялся и сморщился—съ каждымъ словомъ, взглядомъ, дѣлать новыя и печальныя открытія; такъ, вмѣсто стройнаго, живого и полного мечтаній молодого человѣка, къ Аннѣ Павловнѣ торопливо спустился пожилой, съ круглымъ брюшкомъ и совсѣмъ бѣлой головой, человѣкъ вѣжливыхъ и мягкихъ манеръ, хлопотунъ и пріобрѣтатель, чтò всегда сейчасъ отражается на наружности, и она, дрожащей среди радостнаго возгласа поткой грусти, воскликнула:

— Жанъ! Вы ли это?—и ей даже стало совѣстно, что она назвала этимъ когда-то нѣжнымъ и юнымъ для нея именемъ такого почтеннаго и степеннаго человѣка. Въ свою очередь, по мѣрѣ того какъ небольшая женская фигура высвобождалась изъ-подъ груды капора, платковъ, салопъ и шали, Иванъ Григорьевичъ на грустной улыбкѣ увидалъ еще нѣсколько румяное, но уже изрѣзанное мелкими складочками лицо; живо напомнимъ ему разницу между яблокомъ свѣжимъ и яблокомъ испеченнымъ; вмѣсто невысокаго, стройнаго, дѣвственнаго стана, въ широкомъ дорожномъ капотѣ свободно болталась жиденькая и поджаристая фигурка.

— Кузина, какъ я радъ!—воскликнулъ Иванъ Григорьевичъ, поспѣшивъ поцѣловать руки кузины, и при этомъ дѣйствию бузенъ не могъ не замѣтить, какъ сморщилась и очерствѣла кожа на небольшой, уже дрожащей нѣсколько рукѣ.

— А я какъ рада!—сказала кузина, по обычаю цѣлуя наклоненную голову Ивана Григорьевича.

Но голова была слишкомъ наклонена и кузина не могла не замѣтить большихъ, красныхъ проталинъ между рѣдкими бѣлыми волосами, а на маковкѣ искусно прикрытую, еще нѣсколько уцѣлѣвшими и взбитыми кверху кудряшками—настоящую круглую лысину; тѣмъ не менѣе кузенъ и кузина, нѣжно улыбаясь, смотрѣли другъ на друга. При этомъ кузенъ тотчасъ

замѣтилъ, что у кузины недостаетъ одного мелкаго и когда-то бѣлаго, какъ жемчужина, зуба и вообще всѣ жемчужины пожелтѣли; что ея когда-то темно-голубые и глубокіе, какъ море, глаза полняли, какъ вымытый плохенькій ситецъ и жестоко обличили, обнаруживъ самымъ предательскимъ образомъ, вмѣсто неисчерпаемой глубины, совершенно обыкновенное сѣренькое дно. А кузина не безъ грусти замѣтила дряблѣе лицо, сильно развившееся брюшко и одышку у своего поэтическаго стройнаго кузена.

Но авторъ не сталъ бы выставять этой грустной картины, правдивость которой половина его читателей испытала, а другой придется, вѣроятно, испытать на себѣ, еслибы въ то же время онъ не имѣлъ въ виду другой, болѣе улыбающейся сцены.

Гриша Махмуровъ и Лиза Шершанова видѣлись въ послѣдній разъ года четыре назадъ. Лиза воспитывалась въ московскомъ институтѣ, и тамъ Гриша видѣлъ часто свою миленькую 12—13-лѣтнюю троюродную сестру. Онъ очень любилъ маленькую Вету или «Веточку», какъ называли ее тогда всѣ, передѣлавъ это имя изъ сокращеннаго Елизавета, но любилъ ее сынъ Махмурова какъ ребенка, ибо его четырнадцатилѣтнее сердце, нѣсколько уязвленное Ольгой Меклешевой, теперь всецѣло принадлежало одной полной и дебело-красивой артисткѣ императорскихъ театровъ, исполнявшей роль наперсницъ и деревенскихъ дѣвъ. Съ своей стороны Веточка тоже очень любила нѣсколько нахмуреннаго, съ вселокоченными курчавыми волосами кузена Гришу, хотя любила тоже какъ мальчика, ибо ея юное сердце было отдано страстному чувству къ учителю русской словесности, котораго онѣ «обожали» всѣмъ классомъ.

Съ переѣздомъ Махмурова въ Петербургъ, юные родственники должны были разстаться. Веточку незадолго до выпуска тоже взяли изъ института, потому что страстно любившій ее отецъ безнадежно заболѣлъ и передъ смертью хотѣлъ непременно еще разъ увидеть ее. Послѣ его смерти, мать, не менѣе отца любившая единственную дочку, не рѣшилась изъ дому отпустить Веточку. И вотъ, теперь Веточка и Гриша черезъ четыре года разлуки снова стоятъ другъ передъ другомъ.

— Веточка! Вы ли это? — радостно говорилъ сбѣжавшій съ лѣстницы, послѣ отца, Гриша и помимо маменьки, разсматривавшей его родителя, прямо обратившійся къ дочкѣ.

Гриша схватилъ обѣ маленькія руки, только-что закинувшія за уши свѣтло-русые кудри, перевитыя дорогой, и радостно смотрѣлъ на Веточку. Вмѣсто маленькой дѣвочки, передъ нимъ стояла пре-

лестная, только-что развивающаяся дѣвушка. Станъ и лицо ея уже приняли первыя округленности юности, но сквозь ея нѣжныя покровы, въ нѣкоторой угловатости плечъ и неувѣренности еще какъ будто просвѣчивала отлетающая незрѣлость дѣтства. Веточка была средняго, почти небольшого роста, но стройность и счастливая соразмѣрность тонкаго стана показывали ее выше, чѣмъ она была. Густыя русые волосы имѣли сѣроватый оттѣнокъ, что лишало ихъ блеска и дѣлало матовыми. Подъ ихъ нѣсколько волнистымъ напускомъ — авторъ не ручается, что эта волнистость не была искусственная — ласково и добродушно глядѣло прелестное круглое личико, съ небольшимъ прямымъ носомъ, маленькимъ ртомъ и нѣжнымъ румянцемъ, а тѣ темно-голубые глубокіе глазки, которыхъ тщетно искалъ Иванъ Григорычъ Махмуровъ на лицѣ кузины Анны Павловны, радостно свѣтились и весело смотрѣли съ лица Веточки на его Гришу.

— Гриня! Ахъ, да какой вы стали большой! — говорила Веточка своему кузену, сися въ свою очередь пожать крѣпко тѣ большія руки, которыя сжали и крѣпко держали ея маленькія. И Веточка съ радостью и удовольствіемъ разсматривала высокаго юношу, который стоялъ передъ ней. Она нашла, что онъ былъ красивъ — но ей нравилось его молодое, умное и нѣсколько нахмуренное, но въ сущности веселое и добродушное лицо подъ густыми и взъерошенными и курчавыми волосами, хотя эти волосы, по настоятельному требованію университетскаго начальства, были коротко острижены. Понравился Веточкѣ его крѣпкій и сухощавый станъ и вообще весь характеръ его наружности, въ которой виднѣлся умъ, и сила, и прямота. И, какъ-бы думая вслухъ, Веточка, глядя на кузена, сказала:

— А видно, что вы все-таки остались такимъ же хорошимъ, какъ и были! — И Веточка немного покраснѣла и весело разсмѣялась.

На это Гриня отвѣчалъ тѣмъ, что стиснулъ руки Веточки, такъ что та чуть не вскрикнула, и не могъ не сказать:

— А вы, Веточка, ужасно похорошѣли!

Отчего Веточка покраснѣла еще болѣе, вовсе не скрывая удовольствія, которое доставило ей это замѣчаніе.

Не извѣстно, долго ли добродушные, сѣрые глаза Гриши смотрѣли сверху внизъ на прелестное личико, а темно-голубые глаза снизу вверхъ смотрѣли на Гриню съ приподнятой головки, но опытная зрѣлость поспѣшила благоразумно прекратить тотъ взаимный осмотръ, который ежеминутно доставлялъ прискорбныя открытія —

вдругъ, какъ по уговору, обратилась къ молодой группѣ и нарушила ея пріятное любованіе.

Дядя и тетка почти повторили тѣ восклицанія, которыя вырвались у молодыхъ людей при первой встрѣчѣ.

— Неужели это Гриша? — спросила Анна Павловна своего кузена, взглянувъ на его сына: — Боже мой, уже совсѣмъ молодой человѣкъ! — И она съ удовольствіемъ подала руку и поцѣловала щеку Гриши, оставшись вообще довольна его видомъ, хотя не могла не замѣтить про себя, что ея Жанъ былъ въ свое время хотя не такъ высокъ, но гораздо очаровательнѣе.

— А эта прелестная особа — маленькая Веточка? — воскликнулъ Иванъ Григорьевичъ и протянулъ къ ней руки, а когда она подала ему свои пальчики, скомканные и едва разжавшіеся отъ пожатія Гриши, онъ взялъ ея руки и поцѣловалъ племянницу въ ея бѣленькій лобъ.

«Вотъ она, Анета моя «молодая», подумалъ онъ, но Анета съ какимъ-то менѣе сентиментальнымъ, но не менѣе прелестнымъ оттѣнкомъ». И Иванъ Григорьевичъ, измѣнивъ этой Анетѣ и забывъ прежнее чувство — грѣшный человѣкъ — съ гораздо большимъ удовольствіемъ любовался дочерью, нежели ея, когда-то дорогой, мамашей.

Веточка нашла дядю мало измѣнившимся и такимъ же ласковымъ и милымъ, только какъ будто немного меду прибавилось въ его взглядѣ на нее. А Гриша, глядя на тетку, которую онъ видѣлъ въ первый разъ и замѣтивъ ея сходство съ дочерью, подумалъ: «неужели и Веточка будетъ со временемъ такой же добренькой, сухопарой старушенціей?»

— Вотъ ваши комнаты, — сказалъ Иванъ Григорьевичъ, прекращая первая впечатлѣнія встрѣчи, и повелъ дамъ въ ихъ комнаты, приказавъ вносить туда же ихъ вещи. И затѣмъ онъ показалъ имъ квартиру, при обзорѣ которой Анна Павловна, повторивъ нѣсколько разъ «отлично», «прекрасно», заключила, словами:

— Ахъ, да это намъ слишкомъ много, — бросила на кузена нѣжный и благодарный взглядъ.

Вводя гостей во владѣніе, отецъ и сынъ оставили дамъ отдохнуть отъ дороги и поправить туалетъ, а сами поспѣшили отдать еще нѣсколько приказаній, исключительно имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе аппетита и доставленіе различныхъ удобствъ милымъ гостямъ.

ГЛАВА II.

Прошло нѣсколько времени. Жизнь Махмуровыхъ и Шершановыхъ смѣшалась до нѣкоторой степени и приняла опредѣленную складку. Утромъ Махмуровъ занимался своими дѣлами, Гриша ходилъ въ университетъ, Анна Павловна хлопотала по дѣлу, ѣздила по магазинамъ, или отыскивала и посѣщала своихъ знакомыхъ; обѣдали и завтракали всѣ вмѣстѣ, вечеромъ въ театръ, концерты, или Иванъ Григорьичъ съ Анной Павловной составляли домашнюю партію въ карты, а молодые люди занимались другъ другомъ. Гриша исполнялъ порученія тетки и кузины, доставалъ имъ билеты, сопровождалъ ихъ въ театръ и, надо правду сказать, гораздо болѣе занимался своими родственниками вообще и кузиной Веточкой въ особенности, чѣмъ университетомъ. Приобрѣтеніе научныхъ знаній, конечно, нѣсколько пострадало и остановилось на одной точкѣ, но за то развитіе той стороны знанія, которую принято почему-то относить къ области сердца—дѣлало огромные успѣхи.

Разъ, вскорѣ послѣ пріѣзда, Анна Павловна, справляясь о тѣхъ и другихъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, сказала:

— Ахъ, здѣсь долженъ быть Александръ Петровичъ Полярскій: когда онъ былъ присланъ къ намъ, онъ у насъ стоялъ на квартирѣ и бывалъ почти каждый день. Гриша, не знаете ли вы его: онъ пишетъ гдѣ-то въ журналахъ.

— Полярскій, авторъ?—Это одинъ изъ талантливейшихъ молодыхъ писателей!—сказалъ Гриша:—кто-жъ его не знаетъ! Я его видалъ, но незнакомъ съ нимъ. Впрочемъ, нѣтъ ничего легче, какъ отыскать его, стоитъ только справиться въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ онъ пишетъ.

— Ахъ, Гриня! сыщите его,—сказала Веточка,—и скажите, что мы здѣсь: это милѣйшій человекъ—такой умный и такой добрый, онъ былъ со мной всегда очень ласковъ и я такъ люблю его.

— Какой это Полярскій? Это не московскій ли родственникъ покойному Петру Ивановичу Горихвостову, — спросилъ Иванъ Григорьичъ, сдѣлавъ на словѣ «родственникъ» какое-то особенное удареніе, оставшееся непонятнымъ только для Веточки.

— Да, этотъ самый,—отвѣчала Анна Павловна:—пылкая голова, но умница и прекрасный человекъ. Мнѣ его было ужасно жалко, когда его прислали, а онъ ничего себѣ—и рѣжетъ, и рѣ-

жетъ. Ахъ, я говорю, Александръ Петровичъ, не договорите вы до добра. Впрочемъ, предобрый! Веточку какъ любилъ—а ужъ кто дѣтей любить, тотъ не злой человѣкъ. Слышно было, что онъ женился и тоже какъ-то странно.

— Да! Увезъ дѣвушку, которую за него не отдавали и притомъ родственницу, — сказалъ Иванъ Григорьичъ. — Признаюсь, я не читаю беллетристическихъ статей, — прибавилъ онъ, — и не знаю, каково онъ пишетъ, но онъ, слышно, имѣетъ очень незавидную репутацію въ смыслѣ благонадежности.

— Ну, полноте! — горячо замѣтила Анна Павловна: — онъ могъ увлекаться въ юности, а теперь, конечно, остепенился, онъ даже служить здѣсь гдѣ-то въ министерствѣ.

Аннѣ Павловнѣ никакъ не хотѣлось допустить, что ея знакомый могъ считаться не совсѣмъ благонадежнымъ съ правительственной точки зрѣнія, хотя она сама ни о внутренней, ни о внѣшней политикѣ благонамѣренныхъ, ни неблагонамѣренныхъ мнѣній не имѣла.

— Я, ежели угодно, разыщу Полярскаго, — сказалъ Гриша, — и увѣдомлю его о вашемъ прїѣздѣ.

Гришѣ самому очень хотѣлось познакомиться съ человѣкомъ, талантъ котораго ярко началъ выдѣляться.

— Пожалуйста! — повторила Анна Павловна. — Я такъ буду рада его видѣть.

Вслѣдствіе этого разговора, Григорій Махмуровъ на другой же день отправился въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ ему и сообщили мѣсто жительства Полярскаго. Рискнувъ пропустить лекцію, Гриша отправился по указанному адресу.

Хоть тогда не существовала еще нумерація домовъ, или если существовала, то въ такомъ порядкѣ, что могла скорѣе сбить съ пути, чѣмъ навести на него, но Махмуровъ легко отыскалъ въ одной изъ улицъ домъ, гдѣ квартировалъ Полярскій, и довольно успѣшно добился отъ дворника указаній о самой квартирѣ. Во второмъ этажѣ, по чистой и выходящей на улицу лѣстницѣ, онъ позвонилъ у квартиры, на дверяхъ которой на мѣдной дощечкѣ значилось имя отыскиваемого, и вскорѣ отворившій двери слуга сказалъ ему, что Александръ Петровичъ дома.

— Доложи, что студентъ Махмуровъ желаетъ его видѣть, — сказалъ Гриша.

Слуга, замѣтившій по одеждѣ Махмурова, что онъ принадлежитъ къ классу «господъ», ввелъ Гришу въ небольшую залу и оставилъ его тутъ, а самъ вошелъ въ кабинетъ. Благодаря тонкой перегородкѣ, раздѣляющей обыкновенно петербургскія ком-

наты, Махмуровъ слышалъ, какъ слуга доложилъ о немъ, перевравъ, но не очень много, его фамилію.

— Студентъ?—переспросилъ чей-то голосъ.

— Точно такъ: они сказали «студентъ»,—отвѣчалъ слуга.

— Скажи, что сейчасъ выйду.

Слуга вышелъ и повторилъ слышанныя уже Махмуровымъ слова, а вслѣдъ затѣмъ послышался стукъ отодвинутаго кресла и въ комнату вошелъ Полярскій.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, средняго, даже скорѣе небольшого роста, но широкоплечій и вообще сильно и коренасто сложенный. Его каштановые, откинутые назадъ волосы были длинны, что считалось въ то время, да еще чуть ли и не донинѣ, признакомъ вольнодумства, и волнисты; они открывали широкій умный лобъ, слегка уже покрытый складками, слѣдами частыхъ, хмурыхъ и строгихъ мыслей. Изъ-сѣра голубые глаза смотрѣли пронизательно и вмѣстѣ съ тѣмъ блестѣли холодно. Въ умномъ, нѣсколько мясистомъ лицѣ было что-то сильное, львиное, хотя лицо это было овально и крупныя черты его были пріятны.

— Вамъ угодно было меня видѣть,—спросилъ онъ, подходя къ Махмурову и привѣтливо глядя на него голубыми глазами.

Махмуровъ сказалъ свою фамилію снова, назвалъ себя студентомъ и передалъ ему порученіе тетки.

— Анна Павловна!—воскликнулъ Полярскій.—Такъ она здѣсь? Очень радъ буду увидать ее и много вамъ благодаренъ, что вы извѣстили меня,—сказалъ онъ, подавая руку Махмурову и откровенно пожавъ ее.—А ея прелестная дочурка Веточка, гдѣ она?

Махмурова немножко покорило отъ слова «дочурка».

— И Елизавета Николаевна здѣсь,—сказалъ онъ холодно.

— Ахъ, да, я все позабываю: вѣдь этому уже сколько лѣтъ назадъ! Теперь, я думаю, она совсѣмъ большая.

— Да, ей 17 лѣтъ,—отвѣчалъ Махмуровъ.

— И такая же хорошенькая, какъ обѣщала быть.

— Она сдержала обѣщаніе,—сказалъ Махмуровъ.

— А въ такомъ случаѣ у васъ завидная кузина.

— Надя, Надя!—сказалъ Полярскій, отворивъ дверь въ комнату, изъ которой вышелъ, очевидно подчиняясь потребности впечатлительной и живой натуры сейчасъ-же подѣлиться впечатлѣніемъ.—Та добрая женщина, у которой я стоялъ на квартирѣ въ Угрюмскѣ и которая—помнишь, я тебѣ сказывалъ,—жалобно все говорила со мной, какъ съ несчастненькимъ и кормила от-

личными булками съ кофеемъ—она здѣсь, и съ своей хорошенькой дочкой.

На этотъ зовъ мужа изъ другой комнаты вышла молодая, стройная женщина, съ правильнымъ, красивымъ и спокойнымъ лицомъ.

— А я рада за тебя.—Ты, конечно, будешь у нея.

— Вотъ молодой человѣкъ, ихъ родственникъ.—Да не хотите ли присѣсть?—Это моя жена,—сказалъ Полярскій, указывая Махмурову на вошедшую и вмѣстѣ приглашая его войти въ слѣдующую комнату.

— Благодарю васъ, мнѣ некогда,—сказалъ Гриша, которому дѣйствительно было некогда, но отказался онъ отъ приглашенія просто потому, что чувствовалъ неловкость бесѣды, на которой ему приходилось только отвѣчать.

— Ну, до другого раза.—Надѣюсь, ближе познакомимся съ вами у вашей тетушки, и тогда милости просимъ къ намъ. А Аннѣ Павловнѣ и ея дочкѣ скажите, что непременно на-дняхъ буду у нихъ.

Онъ пожалъ руку Гришѣ и тотъ, раскланившись съ Полярской, вышелъ весьма довольный своимъ новымъ знакомствомъ.

ГЛАВА III.

Полярскій сдержалъ слово и вскорѣ побывалъ у Анны Павловны. Гриша Махмуровъ былъ въ это время у тетки и имѣлъ случай ближе познакомиться съ замѣчательнымъ человѣкомъ. Полярскій любилъ говорить и почти одинъ велъ бесѣду; разговоръ его былъ блестящъ, особенно тогда, когда Полярскій былъ нѣсколько возбужденъ удовольствіемъ встрѣчи. Изрѣдка у него прорывались мѣткія и глубокія мысли, но вообще тонъ бесѣды былъ таковъ, что не могъ дать ему повода высказывать серьезные взгляды. Когда онъ уходилъ, Гриша нашелъ, что и ему нужно куда-то отправиться и, какъ оказалось, по пути съ Полярскимъ, который пошелъ пѣшкомъ. Дорогой они разговорились и разговоръ сталъ занимательнѣе; сначала Полярскій выспрашивалъ болѣе Махмурова, видя въ немъ одного изъ молодого поколѣнія, готоваго выступить на сцену и желая, кажется, ознакомиться съ образомъ мнѣній и съ направленіемъ этого поколѣнія, но потомъ, увлекаясь привычкою высказываться, говорилъ самъ.

Изъ всего слышаннаго Гриша составилъ себѣ понятіе о По-

лярскомъ, какъ о человѣкѣ необыкновенно воспріимчивомъ, живомъ и любившемъ блеснуть своимъ умомъ, но того задумчиваго, глубокаго взгляда, который онъ видѣлъ въ его сочиненіяхъ, Гриша еще не имѣлъ случая замѣтить. Нѣкоторыя выраженія Полярскаго были дѣйствительно блестяще-остроумны и мѣтки, но иногда прорывались и неудачныя, какъ это бываетъ съ человѣкомъ, который хочетъ постоянно сказать что-либо острое. Впрочемъ, изъ всего слышаннаго на молодого Махмурова болѣе всего произвело впечатлѣніе одно замѣчаніе Полярскаго. Вскорѣ по выходѣ изъ дому, Полярскій, говоря объ оставленныхъ, сказалъ Гришѣ:

— Прелестная дѣвушка вышла изъ Веточки: только вы, смотрите, не влюбитесь въ нее.

— А если бы и такъ, что же тутъ дурного? — возразилъ, улыбаясь, Гриша.

— Дурного — ваши годы, — сказалъ Полярскій; и вы для нея слишкомъ молоды, и она для васъ тоже.

— Какъ же это? — спросилъ Махмуровъ.

— А вотъ, если бы вы были десятью годами ея старѣе, вы бы годились ей въ мужья; если бы она была десятью годами старѣе васъ, она бы сама сумѣла устроить свои отношенія къ вамъ. А теперь между вами стоитъ стѣна обычая. Что вы прикажете съ ней дѣлать! Жизнь интеллигентнаго общества такъ сложилась, что молодые люди въ самой лучшей и первой порѣ ихъ развитія всего менѣе могутъ принадлежать другъ другу. Въ то время, какъ молодежь вынуждена тратить избытокъ свѣжихъ силъ съ самыми непарными или развратными женщинами, дѣвушка осуждена заглушать лучшія требованія молодой природы и ждать, пока какой-нибудь полуистасканный господинъ, вздумавшій остепениться, не соблаговолитъ разрѣшить ей пользованіе удовольствіями жизни съ своей особой.

— Что же дѣлать съ этимъ? — спросилъ Гриша съ свойственной всей молодежи заблужденіемъ, что руководящій человѣкъ сейчасъ обязанъ указать средство — излечивать всякое зло и устраивать жизнь по желанію.

— Что дѣлать? Да ничего! Вѣдь если условія сложились именно такъ, а не иначе, значитъ, жизненные удобства и необходимость требовали, чтобы они такъ сложились: вѣдь никто этого не устанавливалъ? Вонъ, крестьянская жизнь этого не требовала — тамъ и отношенія остались естественными. А теперь въ нашемъ кругу каждый выбивайся какъ знаешь, до тѣхъ поръ, пока жизненные условія или требованія измѣнятся. А когда измѣнятся, тогда постепенно будетъ являться больше и больше исключеній

установившагося порядка и, наконецъ, исключенія сдѣлаются правиломъ, а устарѣвшее правило исключеніемъ. Это неизбежный ходъ вещей тамъ, гдѣ въ дѣло не вмѣшивается какая-нибудь сильная воля.

Гриша задумался надъ этими словами, а Полярскій сдѣлалъ какой-то вопросъ, который перевелъ разговоръ на другую колею и уже не возвращался къ прежнему предмету.

Разговоръ этотъ еще болѣе ознакомилъ Полярскаго съ молодымъ Махмуровымъ и, расходясь, онъ повторилъ приглашеніе бывать у него.

— По вторникамъ у меня собираются иногда пріятели чай пить: заходите, когда удосужитесь, я очень радъ буду,—сказалъ Полярскій, пожимая руку Гриши.

Нечего и говорить, какъ молодой человѣкъ былъ доволенъ этимъ приглашеніемъ, которымъ рѣшилъ воспользоваться при первомъ случаѣ. Разставшись съ Полярскимъ, Гриша задумался болѣе всего надъ словами его объ отношеніяхъ молодыхъ людей. Надо признать, что его не столько занимало самое воззрѣніе на предметъ Полярскаго, сколько замѣчаніе его, сдѣланное мимоходомъ, оставшееся безъ отвѣта: «смотрите, не влюбитесь въ нее» — сказалъ Полярскій. И Гриша задалъ себѣ вопросъ: «не поздно ли сдѣлано предостереженіе?»

Да! Что значить, въ самомъ дѣлѣ, это возбужденное состояніе, въ которомъ Гриша чувствовалъ себя съ самаго пріѣзда Шершановыхъ? Отчего то радостное и пріятное изумленіе, которое почувствовалъ онъ при первомъ взглядѣ на Веточку,—это сладкое ощущеніе, когда онъ держалъ ея руки — отчего они живутъ въ немъ до сихъ поръ непрерывно? Отчего онъ ложится съ мыслью о кузинѣ, о порученіяхъ, которыя надо выполнить для нея, объ удовольствіяхъ, которыя надо доставить ей или ея матери — и съ ними просыпается? Откуда у него явилась эта готовность бѣгать по порученіямъ Анны Павловны, стараніе угождать ей во всемъ? Отчего съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ нынче Веточку, онъ пересталъ быть самимъ собою, утратилъ ощущеніе собственнаго «я» и взамѣнъ того, что бы онъ ни дѣлалъ, о чемъ бы ни думалъ, онъ чувствовалъ, что въ немъ сидитъ что-то постороннее, какое-то другое «я» поселилось въ немъ и завладѣло имъ, и руководитъ его волей, и заставляетъ думать о себѣ болѣе, чѣмъ о собственномъ его, Гришиномъ, «я».

— Да! она прелестна, какъ ангелъ, и я люблю ее, какъ никогда никого не любилъ,—рѣшилъ Гриша. Опъ это чувствовалъ давно, но не говорилъ себѣ. Теперь—чувство сознано, и слово

выговорено, и Гриша немедленно повернулъ домой, хотя имѣлъ намѣреніе идти къ одному товарищу за выписками изъ лекцій. Какія тутъ лекціи! Онъ сдѣлалъ открытіе, и ему нужно было провѣрить его, нужно было поглядѣть на Веточку съ сознаніемъ, что онъ любитъ ее, высмотрѣть ее всю, овладѣть всѣмъ ея обликомъ, насколько глазъ можетъ овладѣть имъ, потому что онъ чувствовалъ уже потребность обладанія и ему казалось, что глаза его теперь приобрѣли какую-то особенную силу прозрѣнія, способность не только видѣть, но усвоить себѣ, поглотить въ себя и тамъ внутри отпечатать обожаемый образъ.

Гриша почти прибѣжалъ домой — такъ быстро шелъ онъ, самъ того не замѣчая, и первымъ словомъ швейцару было:

— Дома ли Анна Павловна?

Швейцара этотъ вопросъ нисколько не удивилъ, ибо съ самаго пріѣзда Шершановыхъ его молодой баринъ, Григорій Ивановичъ, входя въ домъ, постоянно дѣлалъ этотъ неизмѣнный вопросъ.

— Анна Павловна выѣхали. Поѣхали къ повѣренному, — доложилъ швейцаръ, снимая шинель, — а барышня дома, — какъ-то наставительно и выразительно прибавилъ онъ, вѣшая шинель на гвоздь, и прибавилъ потому, что твердо зналъ по опыту, что если о барышнѣ не упомянуть, то второй неизбежный вопросъ Григорія Ивановича былъ бы:

— А Елизавета Николаевна съ нею?

Гришѣ стало почему-то совѣстно и досадно отъ этого отвѣта. Его разсердило выраженіе, съ которымъ швейцаръ ему доложилъ о барышнѣ. Какъ будто швейцаръ вмѣсто своей конуры подлѣстницей самовольно заглянулъ въ его, Гришину, душу и увидалъ тамъ предметъ, который Гриша вовсе не желалъ показать не только ему, глупому отставному гвардейскому унтеръ-офицеру Бабаеву, но никому на свѣтѣ!

— Страхни прежде снѣгъ хорошенько съ воротника, а потомъ уже вѣшай, — сказалъ Гриша сердито, и поспѣшно вошелъ въ дверь къ Шершановымъ.

Швейцаръ угрюмо далъ два щелчка по воротнику, потомъ посмотрѣлъ въ слѣдъ Гришѣ и подумалъ про себя:

«Ну, ужъ ты не финти съ воротникомъ-то. Ишь — приспичило!»

Изъ чего можно было заключить, что глупый отставной гвардейскій унтеръ-офицеръ Бабаевъ былъ не лишенъ наблюдательности.

Веточка сидѣла одна въ гостиной и работала какую-то прошивочку. Вскинувъ голову и увидавъ, что входитъ Гриша, она весело улыбнулась.

— Вернулись? — сказала она съ маленькимъ удивленіемъ. — А я думала, что вы надолго пропадете, мама то же уѣхала къ стряпчему и я приготовилась скучать.

— Вы одни? — спросилъ Гриша.

— Совершенно: даже Дуняшу услала за шелкомъ.

Мурашки пробѣжали по спинѣ у Гриши. Онъ поздоровался съ Веточкой за руку и, не выпуская ея руку, смотрѣлъ ей въ глаза.

— Что съ вами? — спросила Веточка. — Съ вами какъ будто что случилось, или вы новость какую-то узнали?

— Да, случилось! — отвѣчалъ Гриша, — и я дѣйствительно узналъ новость.

Гриша продолжалъ стоять передъ Лизой, держать ее за руку и смотрѣть на нее влюбленными, упивающимися глазами.

Веточка зарумянилась болѣе обыкновеннаго, сердце почему-то сильно забилося въ ея маленькой груди, но она принудила себя храбро смотрѣть на Гришу, хотя и чувствовала, что, сама не зная отчего, была нѣсколько смущена.

— Что же такое? Не секретъ? можно узнать? — спросила она.

— Для васъ не секретъ, — сказалъ онъ. — Хотите знать?

Лизѣ стало и жутко, и сладко.

— Если можно, то, конечно, хочу, — сказала она, храбрясь, хотя въ душѣ и боялась, и ждала чего-то, и сердце еще сильнѣе забилося въ ней.

— Я узналъ, — сказалъ Гриша, понизивъ голосъ, и голосъ его почему-то сталъ хриплъ и на двѣ ноты ниже, — узналъ, что люблю васъ, Веточка, безъ ума люблю!

Гриша выговорилъ это, и ему стало не по себѣ: онъ боялся, хорошо ли сдѣлалъ, что высказался, боялся, что Веточка огорчится, что она не любитъ его и станетъ держать себя съ нимъ строже и холоднѣе, и ихъ милая короткость и дружба исчезнуть.

Веточка тоже смутилась. Она любила Гришу, она подумывала, что любить его болѣе, чѣмъ слѣдуетъ любить кузена, замѣчала, что нѣчто волнующее входитъ въ ея чувства къ нему. Но чувство это было такъ пріятно, оно казалось ей такъ невинно, что она и не пыталась опредѣлить его; оно было такъ хорошо, какъ оно есть, что она и не хотѣла, чтобы оно мѣнялось.

И вдругъ признаніе! признаніе ясное! Несмѣлой рукой Гриша

снимаетъ покрывало съ ихъ взаимнаго чувства и спрашиваетъ, что оно такое?

Лиза поблѣднѣла и робко опустила глаза. Ей стало страшно и признанія, страшно и за себя. Неужели она любить? Да, она знаетъ теперь, что она любить любовью этого славнаго, милаго ей Гриню. Но хорошо ли это? И слѣдуетъ ли, можно ли ей любить его?

И вотъ, оба молодые, неопытные, смущенные, они робко замерли передъ своимъ чувствомъ, которое вдругъ печаянно, негаданно стало между ними и прямо сказало имъ: «я—любовь!»

Нѣсколько мгновений они оба молчали и чуткое ухо могло бы слышать, какъ шибко билось у нихъ сердце и какъ тяжело дышала грудь.

Гриша первый прервалъ молчаніе.

— Веточка! Вы не сердитесь на меня?—робко спросилъ онъ, поднося ея руку къ губамъ, и робко поцѣловалъ ее: маленькая рука Веточки была холодна, какъ ледъ, и дрожала.

— Ахъ, Гриня, зачѣмъ это! Не надо! не надо! Намъ такъ было хорошо, какъ мы жили, — чуть не плача, съ мольбой въ голосъ, говорила Веточка.

— Но, ангелъ мой, что же мнѣ дѣлать, если я васъ полюбилъ?—жалобно проговорилъ Гриша. —И потомъ, Веточка, вы сами спрашивали и хотѣли знать, что это, ну я и сказалъ, — прибавилъ онъ, улыбнувшись и заглядывая въ глаза Лизѣ.

Веточка почувствовала ужасную жалость къ Гринѣ при первыхъ жалобныхъ звукахъ его голоса, и когда онъ улыбнулся, невольная улыбка вдругъ, не спросясь ее, самовольно пробѣжала по ея губамъ.

— Гриня! я боюсь!—сказала Веточка.

Но Веточкѣ нечего было бояться. Едва Гриня увидалъ ея улыбку, еще не выслушавъ ея словъ, онъ уже очутился рядомъ на диванѣ возлѣ Веточки и его свободная рука — другой онъ держалъ руку Веточки—вдругъ чувствуетъ она, нѣжно охватила ея талію, и голосъ, который ей казался музыкой, говоритъ ей:

— Не бойтесь, Веточка! Ангелъ мой! Я васъ люблю какъ божество... я никому не отдамъ васъ, Веточка!..

И крѣпкая рука, обвивъ, сжимала ея хрупкій тоненькій станъ — и страшно! хрупкое созданіе не боялось этой силы и чувствовало себя какъ-то отрадно-спокойнѣе...

— А вы, Веточка, любите меня?—тихо спросилъ голосъ подъ самымъ ухомъ. И прежде нежели Лиза успѣла отвѣтить, она почувствовала, какъ чьи-то горячія губы прильнули и цѣлуютъ ея шею...

Веточка стыдливо отвернула голову и не знала, что дѣлать, что отвѣчать. Сердце у нея билось такъ сильно, ей было такъ и страшно-боязно и страшно-пріятно, а горячія губы перебрались съ шеи на щеку и, какъ она ни отвертылась, коснулись угла ея губъ.

Но тутъ какъ-то съ Веточкой случилось нѣчто странное и совершенно неожиданное: головка Веточки, которую она тщательно отвращала отъ Гриши, точно подъ вліяніемъ какой-то притягательной силы, повернулась совсѣмъ не туда, куда наклоняла ее Веточка и... отвѣтъ сталъ совершенно невозможенъ, потому что губки Веточки оказались внезапно замѣнuty подѣлуящи...

Ахъ, зачѣмъ это консультаціи у стряпчихъ кончаются такъ несносно скоро и карета Анны Павловны стуча уже остановилась у подъѣзда...

ГЛАВА IV.

Все, казалось, шло попрежнему въ Махмуровскомъ домѣ. Гости и хозяева встрѣчались за обѣдомъ (Шершановы постоянно обѣдали наверху, у Махмуровыхъ), иногда за завтракомъ и по вечерамъ. Иванъ Григорьичъ по утрамъ занимался своими дѣлами; Анна Павловна, если не выѣзжала по дѣлу, то обыкновенно выѣзжала вмѣстѣ съ дочерью или, непривычная къ северной петербургской погодѣ, сидѣла дома. Гриша, по-старому, больше ходилъ по порученіямъ тетки и кузины и чаще посѣщалъ съ ними храмъ Талии или Мельпомены, нежели храмъ науки. Съ истинно-родственной нѣжностью Гриша ни разу не проходилъ мимо двери, ведущей въ квартиру тетки, безъ того, чтобы не завернуть въ нее, хотя бы Елизавета Николаевна одна была дома. Но подъ этой обыденной жизнью, какъ весною подъ нарастающимъ еще снѣгомъ, ключомъ закипала жизнь молодая, полная надеждъ и страсти. Какая чудная была эта жизнь частыхъ и безпрепятственныхъ свиданій, такихъ бесѣдъ, гдѣ-нибудь въ сторонѣ—пожатіе руки при мимолетной встрѣчѣ или за спинной занятыхъ чѣмъ-нибудь родителей—и, наконецъ, какъ нѣжный цвѣтокъ, распустившійся надъ пышнымъ кустомъ, робкій, стыдливый, горячій и невинный поцѣлуй.

O gioventù primavera della vita ¹⁾.

¹⁾ О юность—весна жизни!

Однакожъ наши влюбленные, витая въ небесахъ, нисходили и на землю. Они спускались на нее, чтобы подумать объ упроченіи ихъ любви и постановкѣ ея на твердый грунтъ. Веточка могла бы, и не откладывая вдаль, упрочить свое чувство законнымъ бракомъ,—но Гришѣ, неокончившему курса студенту, было неловко и намекнуть родителямъ раннія браковступительныя намѣренія. Поэтому рѣшено было, что Гриша сначала кончитъ курсъ въ университетѣ и затѣмъ уже объявитъ родителямъ о своихъ законныхъ желаніяхъ. Принявъ это рѣшеніе, молодые люди пришли къ убѣжденію, что первымъ дѣломъ надобно непременно Гришѣ съ успѣхомъ окончить курсъ и не отвлекаться отъ ученія. Поэтому, родители юной четы могли бы замѣтить что у Веточки вдругъ явилась ужасная заботливость объ успѣхахъ своего кузена. Скажетъ ли Анна Павловна:

— Попрошу я завтра Гриню зайти утромъ къ стряпчему.

Какъ вдругъ Веточка начнетъ доказывать, что Гриня можетъ опоздать на лекціи и что онъ и безъ того слишкомъ злоупотребляютъ временемъ и снисходительностью ея кузена. Пригласитъ ли Анна Павловна Гриню сопровождать ихъ въ концертъ, на что тотъ немедленно и съ радостью соглашался, Веточка, для которой всякая нотка звучала бы чище и трогала бы ее больше, еслибы рядомъ съ нею эту же нотку слушалъ Гриня—опять говорила тономъ строгаго наставника:

— Нѣтъ, Григорій Ивановичъ, извольте-ка оставаться и заниматься вашими законами; вы и такъ ничего не дѣлаете.

И Гриня, если ему не удавалось доказать неоспоримѣйшимъ образомъ, что не только все, что нужно, онъ знаетъ и приготовилъ, но что дальнѣйшее занятіе уже будетъ вредно и собьетъ его съ толку—Гриня вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, оставаться. Авторъ никакъ не поручится, чтобы, оставшись одинъ и засѣвъ надъ скучнѣйшими пандектами, Гриша прочелъ или понялъ хоть одну строку изъ нихъ, ибо, какъ ему достовѣрно извѣстно, Гриня по странной разсѣянности вплоть до возвращенія кузины забывалъ повертывать страницы лекцій. Опъ даже сомнѣвается, не читалъ ли профессоръ законовѣдѣнія, вмѣсто римскаго права, чего-либо о римскихъ женщинахъ, ибо Гриня покрывалъ поля книги или литографированныхъ лекцій безконечнымъ множествомъ женскихъ головокъ, впрочемъ, съ самыми мелкими и вовсе не римскими чертами. Но если Гриша Махмуровъ держалъ себя въ отсутствіи кузины такимъ страннымъ образомъ, то въ этомъ никакъ нельзя было, по крайней мѣрѣ, винить кузину за слабость надзора съ ея стороны. Веточка ничего не знала о лѣни и разсѣян-

ности Гриши, иначе настрожайше запретила бы кузену, подь страхомъ лишенія разныхъ пріятныхъ вещей, не только думать, но и вспоминать о ней, Веточкѣ, во все время ея отсутствія.

Такъ мирно и пріятно шло время для нашихъ молодыхъ людей. Но часто, какъ замѣтилъ патріархъ нашихъ поэтовъ, Василий Кирилловичъ Тредьяковскій:

Ходитъ птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего
Никакихъ послѣдствій.

Между тѣмъ, какъ по выраженію Софьи Павловны Фамусовой:

А горе ждетъ изъ-за угла!

Разъ вся семья, то-есть Анна Павловна съ дочерью и Иванъ Григорьичъ съ своимъ первенцомъ Гришей были въ итальянской оперѣ. Гриша получилъ на сей разъ разрѣшеніе Веточки ѣхать вмѣстѣ съ ними въ театръ въ виду клятвеннаго, съ его стороны, увѣренія, что дома ему рѣшительно нечѣмъ заниматься, а спектакль чрезвычайно интересенъ, особенно по участию въ немъ ея, Елизаветы Николаевны, какъ зрительницы. Въ первомъ антрактѣ Иванъ Григорьевичъ, увидавъ въ партерѣ одного нужнаго ему человѣка, вышелъ сказать ему нѣсколько словъ. Нужный человѣкъ былъ еще молодой, но входившій уже тогда въ силу, предприниматель промышленныхъ компаній, по своему уму, дѣятельности и честности пользовавшійся большимъ довѣріемъ въ финансовомъ мірѣ, хотя всѣ эти качества не помѣшали ему впослѣдствіи, какъ говорится, «прогорѣть», благодаря довѣрчивости къ пріятелямъ, которые не затруднились его надуть и обобрать. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, молодой предприниматель входилъ въ полную силу и былъ такъ занятъ, къ нему такъ приставали и теребили его на-расхватъ разныя вращающіяся около него или втирающіяся къ нему личности, что трудно было получить отъ него пять минутъ времени, чтобы переговорить по своему дѣлу, даже обѣдая у него или проводя весь день въ его домѣ. Иванъ Григорьичъ очень былъ радъ случаю сказать нѣсколько словъ предпринимателю и потому поспѣшно сошелъ въ партеръ, слегка извинился передъ небольшимъ кружкомъ, который и въ театрѣ окружалъ молодого дѣятеля, и, поймавъ его за пуговицу, сообщилъ ему, что нужно. Онъ былъ такъ счастливъ, что даже успѣлъ получить нѣсколько словъ въ отвѣтъ, прежде нежели одинъ генералъ, вѣжливо извинясь передъ самимъ Иваномъ Григорьевичемъ, отодвинулъ его слегка и взялъ пред-

принимателя за другую пуговицу, и началъ говорить ему про свое дѣло, не обращая на Ивана Григорьевича никакого вниманія. Но Иванъ Григорьевичъ, какъ мы сказали, былъ почти удовлетворенъ и потому съ обычною мягкостью манеръ уклонился отъ говорившихъ и обратилъ вниманіе на другой кругъ стоящихъ, изъ которыхъ многіе были ему знакомы. Между ними Иванъ Григорьевичъ съ особеннымъ вниманіемъ и особенно-пріятной улыбкой пожалъ руку человѣка лѣтъ около сорока, въ отличномъ черномъ фракѣ и великолѣпномъ бѣлѣ съ большими брилльянтовыми запонками на груди.

— Извините, нескромность. У кого это вы въ ложѣ? спросилъ этотъ, повидимому, богатый и вліятельный человѣкъ, отвѣчая пожатію Ивана Григорьевича.

— Въ своей! — отвѣтилъ Иванъ Григорьевичъ:— Ко мнѣ пріѣхала на зиму кузина съ дочерью, и я абонировался для нихъ.

— Такъ эта прелестная дѣвушка ваша племянница? — спросилъ говорившій:— поздравляю! — добавилъ онъ.

— Да, это дочь моей кузины, — весьма довольный похвалой, еще пріятнѣе улыбаясь сказалъ Иванъ Григорьевичъ. — Если вы дадите себѣ трудъ зайти къ намъ въ ложу — я съ удовольствіемъ готовъ васъ представить дамамъ, — прибавилъ онъ.

— Очень буду радъ, — сказалъ знакомый:— я люблю все изящное, а такой изящной головки не скоро встрѣтишь. Вы мнѣ доставите большое удовольствіе.

— Очень радъ слышать такой отзывъ отъ такого знатока изящнаго, — сказалъ Иванъ Григорьевичъ. — Такъ пойдемъ, если угодно, — и онъ пошелъ на верхъ, сопровождаемый своимъ знакомымъ.

Знакомый, сопровождавшій Ивана Григорьевича, прозывался Елабужскій, звали его Дмитрій Дмитричемъ. По происхожденію былъ онъ дворяниномъ и тамбовскимъ помѣщикомъ — но, кажется, незначительнымъ, служилъ въ министерствѣ ** и завѣдывалъ дѣлами какого-то комитета, въ свою очередь завѣдывавшаго какими-то особыми капиталами, до которыхъ никому не было дѣла. Мѣсто это было не хлопотливо, не представляло никакихъ особыхъ выгодъ — но считалось почетнымъ; Елабужскій только и принялъ его на этомъ основаніи. Дмитрій Дмитричъ, по свойствамъ и по склонностямъ своимъ, долженъ бы былъ принадлежать непременно къ гражданамъ города Сибариса, жители котораго славились склонностью къ пирамъ, расточительности и лѣни, а не заимствовать свое прозвище отъ прикамскаго города Елабуги, жители коего извѣстны только хлѣб-

ной торговлей и склонностью къ разведенію лука, — хотя нѣкоторые проницательные люди послѣ нѣкотораго событія, о которомъ будетъ рѣчь въ концѣ, и говорили, что Елабужскій былъ собственно не русскій человѣкъ, какъ бы слѣдовало думать, судя по фамиліи, а происходилъ изъ западныхъ губерній и долженъ бы былъ именоваться Іелябусскимъ. Да, Дмитрій Дмитричъ Елабужскій былъ сибаритъ и извѣстенъ былъ за такового всему Петербургу, не исключая и высшаго начальства. Должностью онъ, повидимому, мало занимался, пріѣзжалъ въ присутствіе рѣдко, оставался тамъ недолго, и если работалъ, то это было извѣстно его секретарю, который часто являлся къ нему на домъ; это отношеніе къ дѣлу тоже было извѣстно начальству, хотя оно при всѣхъ ревизіяхъ, къ общему удивленію, находило дѣла и суммы въ отличномъ порядкѣ, изъ чего вынесло убѣжденіе о необыкновенной способности Елабужскаго работать быстро и дѣльно. Затѣмъ, Дмитрій Дмитричъ предавался всецѣло удовольствіямъ. Онъ былъ вдовъ, и его первая жена-красавица умерла отъ несчастныхъ родовъ, поэтому его холостая квартира имѣла всю обстановку семейнаго человѣка и была отдѣлана великолѣпно. Небольшими обѣдами, которые Елабужскій задавалъ по пятницамъ наиболѣе близкимъ и нужнымъ людямъ, могъ бы позавидовать Лукуллъ, но особенно славилась его ужины по понедѣльникамъ, куда зазывалась лучшая молодежь послѣ театра. Разливное море тончайшихъ винъ, превосходныя сигары, милѣйшее общество, иногда дополняемое участіемъ какихъ-нибудь знаменитыхъ артистовъ и артистокъ, и все это скрашенное самымъ внимательнымъ гостепріимствомъ хозяина — дѣлали эти ужины однимъ изъ самыхъ лучшихъ удовольствій Петербурга. Вся молодежь дорожила возможностью попасть на нихъ, и кто попадалъ, тотъ уже никогда не пропускалъ, но попасть было не легко: приглашался только цвѣтъ молодежи и особенно молодежи чѣмъ-либо замѣчательной. Затѣмъ Дмитрій Дмитричъ (его по фамиліи рѣдко и называли — такъ онъ былъ популяренъ) велъ огромную игру — но ошибется тотъ, кто подумаетъ, что онъ привлекалъ молодежь ужинами для того, чтобы обыгрывать. Напротивъ, на его ужинахъ совсѣмъ не играли: все было посвящено удовольствію игривой и веселой болтовни, смакованію тонкихъ винъ, а иногда и легкому подпитію; оргій — у такого порядочнаго и уже немолодого человѣка — не было и тѣни. Игралъ Дмитрій Дмитричъ въ клубѣ и въ домахъ только съ нѣсколькими денежными тузами, и игралъ по огромной. И играющіе съ нимъ были въ восторгѣ отъ его снисходительно-любезной, спокойной, умной

и, разумѣется, вполне честной игры. Особенно любилъ его игру, а вслѣдствіе того и самого Елабужскаго, извѣстный въ то время богачъ, больной, рѣдко выѣзжающій, циникъ и брюзга Савичевъ; когда ему пріятель, завидовавшій вліянію Елабужскаго, говорили, что Дмитрій Дмитричъ игралъ лучше, осторожнѣе Савичева и постоянно выигрывалъ, то Савичевъ отвѣчалъ, что ему пріятнѣе проигрывать Елабужскому, чѣмъ выигрывать съ другихъ. На какія суммы жилъ Дмитрій Дмитричъ, вель игру и задавалъ ужины — было покрыто глубочайшимъ мракомъ неизвѣстности. Имѣніе, какъ слышно, было у Дмитрія Дмитрича небольшое, жалованье не особенно значительное, игралъ Елабужскій не всегда счастливо, а долженъ былъ проживать кучу денегъ. Скептики заикались насчетъ цѣлости тѣхъ капиталовъ, до которыхъ никому не было дѣла, но капиталы эти находились въ распоряженіи всего комитета и при всѣхъ внезапныхъ ревизіяхъ (а ихъ дѣлали довольно-таки часто) все находилось въ отличномъ порядкѣ. А между тѣмъ деньги какъ будто изъ какого-то неизсякаемаго родника лплись у Дмитрія Дмитрича, но онѣ у него не задерживались. Онъ не употреблялъ ихъ на приобрѣтеніе имѣнія, цѣнныхъ бумагъ, словомъ — на скопъ. Точно также широкое и изящное гостепріимство, великолѣпные обѣды и ужины не дѣлались для какихъ-либо особыхъ цѣлей. Дмитрій Дмитричъ не заискивалъ у начальства, не гонялся за почестями; онъ былъ сибаритъ: онъ любилъ отличное вино для питья, тонкую ѣду для ѣды, общество для веселой бесѣды, игру для сильныхъ ощущений. Съ утонченностью истиннаго эпикурейца, онъ все это любилъ не только для себя — но наслаждался доставленіемъ этихъ удовольствій тѣмъ, кто умѣлъ понимать ихъ, и отъ этого никто не находилъ такого вниманія къ своимъ вкусамъ, такого искренняго радушія и широкаго гостепріимства, какъ у Дмитрія Дмитрича. Откуда взялось въ небогатомъ тамбовскомъ помѣщикѣ это неудержимое стремленіе къ изящной роскоши и тонкому самоуслажденію — это остается тайной его покойной матери, полной и добродушной тамбовской помѣщицы, и воспитательнаго значенія общественной среды и тогдашняго времени. Впрочемъ, если припомнить другого, еще менѣе богатаго дворянина — Потемкина, который, попавъ «въ авантажъ», почувствовалъ склонность играть отъ скуки пересыпаніемъ драгоцѣнныхъ камней, то увидимъ, что въ русской исторіи примѣры необычайныхъ прихотей уже бывали и до временъ Елабужскаго. Прибавимъ къ этому, что Дмитрій Дмитричъ имѣлъ весьма пріятную наружность. Онъ былъ высокаго роста; тонкіе, уже рѣдѣющіе волосы

на головѣ слегка вились, лицо правильное, безъ рѣзкихъ очертаній, было пріятно и всегда какъ-бы благосклонно; держался онъ прямо, манеры имѣлъ привлекательныя. Но, несмотря на всѣ эти мягкіе и пріятные черты и приемы, нельзя было сказать, чтобы въ натурѣ Дмитрія Дмитрича преобладалъ медъ и нѣжность. Напротивъ, сквозъ всю эту мягкость и пріятность, въ немъ просвѣчивалъ человѣкъ съ характеромъ нешуточнымъ, а иногда, взглянувъ на него врасплохъ, когда онъ возвращался домой съ игры или оставался одинъ послѣ ухода веселыхъ и не только польщенныхъ, но прельщенныхъ гостей, какая-то темная мысль, казалось, бороздила его лобъ, или онъ улыбался горькой и устало-печальной улыбкой.

— Кузина моя,—говорилъ Иванъ Григорычъ въ корридорѣ идущему съ нимъ Дмитрію Дмитричу — вдова чиновника Шершанова и пріѣхала сюда по дѣламъ; на имѣніе, оставшееся отъ мужа, наложено запрещеніе и падаетъ взысканіе; онъ служилъ по вашему вѣдомству.

— Что вы мнѣ не сказали этого давно: я бы, можетъ быть, могъ быть полезенъ вашей кузинѣ,—сказалъ Елабужскій. — Пришлите мнѣ коротенькую записочку въ чемъ дѣло.

— Ахъ! и я, и кузина будемъ очень благодарны,—сказалъ Иванъ Григорычъ. — Кстати же, скоро долженъ быть представленъ докладъ по немъ министру.

— Кѣмъ?—спросилъ Дмитрій Дмитричъ.

— Овсцовымъ: это по его департаменту.

— Тѣмъ лучше: онъ свой человѣкъ,—замѣтилъ Елабужскій.

При этихъ словахъ Иванъ Григорычъ ввелъ Дмитрія Дмитрича въ свою ложу и представилъ его дамамъ, прибавивъ кстати, что Дмитрій Дмитричъ служить въ томъ же вѣдомствѣ, гдѣ служилъ и покойный Николай Никандрычъ (Шершановъ), и обѣщалъ свое содѣйствіе по дѣлу Анны Павловны.

Анна Павловна съ истинно-провинціальною наивностью и врожденной чувствительностью, сначала чуть не со слезами на глазахъ начала благодарить Елабужскаго, а потомъ принялась было угощать его подробнѣйшимъ изложеніемъ дѣла и доказательствами полной невинности покойнаго Николая Никандрыча, но Дмитрій Дмитричъ, вѣжливо прервавъ ее, замѣтилъ, что объ этомъ обѣщалъ уже дать записку Иванъ Григорычъ, и ловко повернулъ разговоръ на болѣе пріятный предметъ, обращаясь преимущественно къ Елизаветѣ Николаевнѣ.

Черезъ десять минутъ Елабужскій ушелъ, испросивъ позволеніе лично сообщить Аннѣ Павловнѣ о послѣдствіяхъ своего

вмѣшательства, пожалъ руку Ивану Григорьичу и Григорію Ив. нычу, пригласивъ послѣдняго заѣхать къ нему когда-нибудь послѣ оперы поужинать съ молодыми людьми, которые у него собираются и кстати познакомиться съ кружкомъ, въ который вскорѣ вѣроятно вступить,—и произвелъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе.

— Этотъ милѣйшій господинъ,—сказалъ по уходѣ Елабужскаго Иванъ Григорьичъ,—проживаетъ въ годъ тысячъ пятьдесятъ или сто, ни у кого и ни въ комъ не ищетъ и всѣмъ доставляетъ удовольствіе: поэтому, для него сдѣлаютъ все возможное.

— Что же, онъ богачъ?—спросила Анна Павловна.

— О, нѣтъ! онъ имѣетъ меньше каждаго изъ насъ—отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ.

— Такъ получаетъ огромное содержаніе? — продолжала спрашивать Анна Павловна.

— Да, порядочное. На наемъ квартиры станеть.

— Знать, выгодное мѣсто,—понизивъ голосъ замѣтила кузина.

— Не приносить ни копѣйки,—улыбаясь говорилъ Иванъ Григорьичъ.

— Такъ что же, у него волшебный талисманъ, что-ли, какой есть? уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ и весьма раздражительнымъ любопытствомъ, спросила Анна Павловна.

— Вѣроятно,—отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ,—ибо во всемъ Петербургѣ едва-ли найдется человѣкъ, который бы рѣшилъ, откуда Дмитрій Дмитричъ проживаетъ сотни тысячъ!

Эффектъ былъ полный. Дмитрій Дмитричъ Елабужскій остался въ воображеніи дамъ не только какъ пріятнѣйшій, обязательнѣйшій и роскошно-изящный господинъ, но и какъ таинственная личность. Правда, Гриша попытался-было нѣсколько разъяснить эту таинственность намекомъ на цѣлость особенныхъ капиталовъ, но Иванъ Григорьичъ осадилъ его, сказавъ, что въ нелѣпости такихъ догадокъ не сомнѣваются уже и враги Елабужскаго.

ГЛАВА V.

Дня черезъ два поутру къ дому Махмурова подѣхала великолѣпная одиночка. Откинувъ медвѣжью полость изъ сапей, въ собольей шубѣ вышелъ Дмитрій Дмитричъ Елабужскій, и спросивъ, гдѣ живутъ Шершановы и дома ли, велѣлъ доложить о себѣ. Дамы наши въ этотъ разъ были однѣ. Гриша не возвра-

щался еще изъ университета, Иванъ Григорычъ ѣздилъ по своимъ дѣламъ, Елабужскій былъ съ удовольствіемъ принять.

Дмитрій Дмитричъ сообщилъ самыя пріятныя извѣстія по дѣлу Анны Павловны. Его пріятель, директоръ департамента, хотѣлъ ускорить докладомъ и находилъ возможнымъ сдѣлать его въ совершенно благопріятномъ для вдовы свѣтѣ. По обыкновенію, Елабужскій былъ очень милъ и любезенъ. Веточкѣ онъ понравился. Къ вѣщему возбужденію ея любопытства, она успѣла разсмотрѣть на указательномъ пальцѣ его правой руки большой перстень черной эмали съ бѣлымъ гербомъ, какъ ей показалось, или печатью. Но когда Елабужскій подалъ ей клубокъ шерсти, который она уронила, она успѣла разсмотрѣть на бѣломъ фонѣ изображеніе адамовой головы.

— Ахъ, какой печальный перстень у васъ!—сказала Веточка съ свойственной ей искренностью, — что это вамъ за охота носить его—и еще съ какой-то тоже, должно быть, невеселой надписью.

— «Memento mori» — «помни смерть» — сказалъ Дмитрій Дмитричъ съ своей пріятной улыбкой. Когда ведешь такую пустую и распутную жизнь, какъ я—не мѣшаетъ, чтобы что-нибудь напоминало о неизбежной развязкѣ,—прибавилъ онъ.

Посидѣвъ съ полчаса Елабужскій уѣхалъ, очаровавъ Анну Павловну и очень понравившись Веточкѣ; черезъ два часа онъ напомнилъ имъ о себѣ, приславъ билеты на концертъ, которыхъ не могъ достать Гриша, о чемъ Веточка упомянула при разговорѣ объ этомъ концертѣ.

Нужно замѣтить, что съ этого же времени пріятельскія отношенія, существовавшія между Иваномъ Григорычемъ Махмуровымъ и Елабужскимъ стали ближе. Махмуровъ-отецъ получалъ настоятельное приглашеніе на обѣдъ въ первую же пятницу, а зайдя въ понедѣльникъ—это былъ какъ разъ ихъ абонементъ—въ ложу къ Махмуровымъ, что онъ дѣлалъ всякій разъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ представленъ имъ и встрѣтивъ Гришу въ коридорѣ, пожимая ему руку, Елабужскій упрекнулъ его, что онъ не хочетъ никогда зайти къ нему и взялъ съ него слово въ этотъ же вечеръ, проводивъ дамъ, пріѣхать къ нему поужинать.

— У меня бываетъ вся здѣшняя молодежь,—сказалъ Дмитрій Дмитричъ, — вамъ пора занять свое мѣсто въ ея рядахъ.

Гриша былъ очень польщенъ приглашеніемъ Дмитрія Дмитрича, и сердце его пріятно забилося, когда онъ выслушивалъ его; онъ поблагодарилъ Елабужскаго за приглашеніе, не сказавъ ни слова однакожъ, что имъ воспользуется, но и не извиняясь, что

не будетъ. Какъ молодой студентъ, съ строгимъ критическимъ взглядомъ на образъ дѣйствій старшихъ поколѣній вообще и людей ретроградныхъ, и аристократическихъ въ особенности, Гриша не разъ съ презрѣніемъ отзывался о роскоши и мотовствѣ Елабужскаго, заподозрѣвалъ чистоту неизсякаемыхъ источниковъ, изъ которыхъ новый Лукуллъ черпалъ свои средства; къ тому же, вниманіе Елабужскаго и къ его теткѣ, и кузинѣ безотчетно не нравились молодому Махмурову; тѣмъ не менѣе онъ былъ очень доволенъ приглашеніемъ. Возвратясь домой, за чаемъ съ дамами, онъ сказалъ имъ съ небрежнымъ видомъ:

— А меня сегодня Елабужскій звалъ опять къ себѣ на ужинъ. Не знаю, что ему вздумалось сдѣлать мнѣ эту честь.

И Гришѣ стоило большого усилія, чтобы имѣть при этомъ видъ совершеннаго равнодушія.

— И что же, вы пойдете?—спросила Веточка.

— Не знаю!—отвѣчалъ Гриша.— Не ловко отказать, но мнѣ не нравится человѣкъ, избравшій спеціальностью удивлять Петербургъ обѣдами и ужинами, Богъ вѣсть на какія средства.

— Ахъ, Гриня какъ же можно заподозрѣвать человѣка, не имѣя на это никакихъ данныхъ. И вы будете очень невѣжливы, если отвѣтите пренебреженіемъ на вниманіе и любезность, которыя вамъ оказываетъ человѣкъ въ положеніи Дмитрія Дмитрича, наставительно сказала ему тетка.

— Что же, положеніе Дмитрія Дмитрича? Какія заслуги передъ Россіей, какія благодѣянія человѣчеству оказываетъ онъ своей кухней и погребомъ. Я, признаюсь, не желалъ бы играть со временемъ такую роль и пользоваться такого рода успѣхомъ, отвѣтилъ молодой студентъ.

Веточкѣ, при всемъ расположеніи къ Дмитрію Дмитричу, очень хотѣлось наградить кузена какимъ-либо знакомъ благоволенія за такія «благородныя» мысли. Но положеніе было къ этому неблагопріятно, и она ограничилась однимъ нѣжнымъ взглядомъ.

— Дмитрій Дмитричъ человѣкъ всеми уважаемый,—сказала Анна Павловна, глубоко огорченная вольнодумствомъ Гриши.— У него бываетъ вся знать, и дай Богъ всякому заслужить такое общее расположеніе. Вамъ бы, Гриша, слѣдовало быть благодарнымъ Дмитрію Дмитричу за его вниманіе, а не порицать его. Если у него бываетъ Иванъ Григорычъ—такъ, я полагаю, и вамъ не слѣдуетъ пренебрегать такимъ домомъ.

— Да, Гриша,—вы должны непременно отправиться къ Дмитрію Дмитричу,—сказала Веточка, желавшая замѣть непріятный,

могущій повредить добрымъ отношеніямъ между *нимъ, ею, Гришею* и матерью разговоръ.—А потомъ вы расскажете намъ подробно, что это за вечера, про которые говоритъ весь городъ. Притомъ, тамъ бываетъ вся лучшая молодежь, слѣдовательно, по одному этому вы должны быть тамъ. Итакъ, рѣшено—ѣдете.

— Если тѣтя и вы такъ настаиваете, то я, разумѣется, поѣду, хотя, признаюсь, съ бѣльшимъ бы удовольствіемъ провелъ вечеръ дома,—сказалъ Гриша, дѣлая видъ, что покоряется дамамъ, хотя ему самому смертельно хотѣлось ѣхать.

— И прекрасно сдѣлаете!—замѣтила Анна Павловна. А съ нами успѣете еще насидѣться. Да я что-то и устала сегодня,—прибавила она, вставая изъ-за стола и уходя къ себѣ.—Такъ до свиданія!

И она, въ знакъ прощанія и примиренія, подала руку Гришѣ.

Гриша понялъ, что его вѣжливо изгоняютъ.

— До свиданія, тѣтя!—сказалъ онъ и, простившись съ нею, обратился къ Веточкѣ.

— До свиданія, кузина,—сказалъ онъ, подавая ей руку.

— Такъ смотрите же, замѣйте все и расскажите хорошенько намъ,—громко говорила Веточка, пожимая руку Гришѣ. А между тѣмъ, въ это время Анна Павловна удалилась въ другую комнату—и тогда вдругъ разговоръ юной родни на мгновеніе смолкъ, какъ обрѣзанный, и только необыкновенно чуткій слухъ могъ бы разслышать слова: «милый, милый»—и... но поцѣлуя положительно никто бы не разслыхалъ, хотя я не ручаюсь, что зоркій глазъ не могъ бы его подмѣтить.

ГЛАВА VI.

Было около часа ночи, когда сани Гриши Махмурова остановились у квартиры Елабужскаго. Въ теплой швейцарской, гдѣ въ каминѣ горѣлъ каменный уголь—было уже довольно много военныхъ на ватѣ шинелей и статскихъ пубъ и пальто. По лѣстницѣ, съ обитыми бархатомъ поручнями и мягкимъ съ яркими цвѣтами англійскимъ ковромъ на ступеняхъ, Гриша вошелъ въ небольшую комнату, обитую пестрыми персидскими обоями съ рѣзной ясеновой жесткой мебелью и зеркалами по стѣнамъ, подъ которыми, на столикахъ, были щетки и гребенки. Одна дверь изъ этой прихожей вела направо, въ большую свѣтлую, бѣлую съ золотомъ залу, другая, налево, должно полагать,

въ кабинетъ хозяина. По залѣ ходили челоѣка два-три и разговаривали; слѣва слышалось много голосовъ.

— Гдѣ Дмитрій Дмитричъ?—спросилъ Гриша у слуги въ черномъ фракѣ и такихъ же шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ.

— Они въ кабинетѣ—вѣжливо отвѣтилъ слуга...—неудобно ли сюда пожаловать—и онъ указалъ налѣво.

Гриша вошелъ въ большую комнату, наполненную сафьянной удобнѣйшей мебелью всѣхъ сортовъ. Тутъ были кушетки и отоманы, кресла съ эластической спинкой, волтеровскія, полулежація, катающіяся и небольшія—сѣдломъ, на которыхъ можно сидѣть только верхомъ, руками облокотясь на спинку. По стѣнамъ было нѣсколько превосходныхъ гравюръ охоты и сценъ изъ временъ Людовика XIV. Обои темные, подъ кожу съ позолотой и панелью темнаго дуба, вмѣстѣ съ темно-зеленымъ цвѣтомъ мебели и такими же тяжелыми занавѣсами на окнахъ, придавали всей комнатѣ видъ спокойный и серьезный. Въ углу топился большой каминъ, на письменномъ дубовомъ столѣ было множество великолѣпныхъ письменныхъ принадлежностей изъ малахита съ золотомъ и горѣла такая же карсельская лампа подъ зеленымъ абажуромъ, но по строгому порядку, господствовавшему на столѣ, видно было, что это не настоящій рабочій столъ. Дѣйствительно, настоящій рабочій кабинетъ Елабужскаго былъ рядомъ. Въ комнатѣ было сильно накурено, и, кромѣ лампы и камина, на нѣсколькихъ столикахъ горѣли восковыя свѣчи, въ разнообразныхъ въ помпейскомъ родѣ подсвѣчникахъ, съ пепельницами, сигарочницами и прочимъ приспособленіемъ для курильщиковъ. Кромѣ того, нѣсколько великолѣпныхъ бронзовыхъ, матово-серебряныхъ и деревянныхъ изящныхъ ящиковъ съ сигарами были разставлены по разнымъ мѣстамъ.

Гриша, взойдя въ комнату, не успѣлъ еще осмотрѣться, какъ изъ группы сидящихъ всталъ и подошелъ къ нему Дмитрій Дмитричъ.

— А! Милости просимъ!—сказалъ онъ, пожимая руку Гришѣ. И, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ:

— Господа, позвольте представить вамъ Григорія Ивановича Махмурова.—Мой молодой пріятель и повобранецъ нашего круга: прошу любить и жаловать!

Ближайшіе изъ присутствующихъ, болѣею частью офицеры, приподнялись и отвѣтили на поклонъ Гриши.

— Вы незнакомы?—спросилъ Гришу Махмуровъ.—И онъ назвалъ ему четверыхъ изъ возлѣ сидящихъ: князь Водховскій, Стрепетовъ, графъ Бѣлокримицынъ, Телеховъ.

Изъ всѣхъ около сидящихъ, Гриша былъ знакомъ только съ Ганичкой Меклешовымъ, уже преображенскимъ офицеромъ, другихъ зналъ только по наслышкѣ. Ганичка, весьма красивый, блѣдный и розовый, но съ холоднымъ правильнымъ лицомъ, снисходительно подалъ Гришѣ руку. Гриша почувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, какъ это всегда бываетъ въ новомъ кружкѣ, и очень радъ былъ присутствію Меклешова. Онъ подселъ около него и сталъ осматривать исподволь сидящія въ нѣсколькихъ мѣстахъ группы. Къ счастью, появленіе новаго чуждаго всѣмъ лица, какимъ былъ молодой Махмуровъ, всегда вносящее нѣкоторую остановку разговора и холодъ среди часто встрѣчающагося и знакомаго кружка, — было тотчасъ замято другимъ новоприбывшимъ.

— Гдѣ? — раздался чей-то голосъ въ прихожей.

— Здѣсь-съ, пожалуйста, — съ поклономъ и улыбкою, какъ коротко-знакомому и пріятному гостю, отвѣчалъ слуга, взявъ у говорившаго шляпу съ чернымъ султаномъ и шпагу, и приподнялъ портьеру.

Вошелъ гвардейскій пѣхотный поручикъ, невысокаго роста, съ большими темными усами, чисто русскимъ, простымъ и смышленнымъ лицомъ и — уже предательски краснымъ кончикомъ неправильно-мясистаго носа.

— А! Сеня! — закричали привѣтливо нѣсколько голосовъ, и Елабужскій, не вставая, протянулъ вошедшему руку.

Гриша зналъ, что это былъ Пахтунинъ, сынъ вліятельнаго москвича, извѣстный своими проказами, шалостями и находчивостью. Особенно много ходило рассказовъ про его смѣлыя выходки съ однимъ изъ главныхъ начальниковъ гвардіи, лицомъ весьма строгимъ, хотя нѣсколько напускной строгости, но, въ сущности, добрымъ и благоволившимъ по дружбѣ съ его отцомъ къ Сенѣ Пахтунину.

— Какъ же ты сказалъ, что здѣсь? — спросилъ Пахтунинъ, обращаясь къ слугѣ послѣ того, какъ пожалъ небрежно руку хозяина и окинулъ взглядомъ комнату.

— Я полагалъ, что вы изволите спрашивать, гдѣ Дмитрій Дмитричъ и господа? — отвѣтилъ вѣжливо слуга.

— Совсѣмъ нѣтъ! Я спрашивалъ, гдѣ водка? — отвѣтилъ Пахтунинъ.

Присутствующие разсмѣялись.

— А въ самомъ дѣлѣ, мы, кажется, въ комплектѣ. Скажи, чтобы давали ужинать, — сказалъ Елабужскій слугѣ.

— Давно ли ты выпущенъ?—спросилъ одинъ конно-гвардейскій офицеръ Пахтунина.

— Сегодня только,—отвѣчалъ тотъ, здороваясь.

— Ну, расскажи, за чтѣ сидѣлъ? Ты опять выкинулъ какую-то штуку,—спрашивали другіе, обступая Пахтунина.

— Нѣтъ, я не въ состояніи рассказывать, у меня пересохло въ горлѣ,—отвѣчалъ Пахтунинъ.

Но въ это время въ комнату вошелъ слуга, неся графинъ съ очищенной, такъ-называемой дворянской водкой, хотя отъ нея и у мужика захватило бы духъ, и нѣсколькими кусочками чернаго хлѣба и соли: образцовая прислуга Елабужскаго знала привычки каждаго гостя и немедленно предупреждала ихъ.

Сеня Пахтунинъ послалъ принесшему водку слугѣ воздушный поцѣлуй, медленно налилъ рюмку, выпилъ ее залпомъ, жестоко сморщился отъ крѣпости вина и наслажденія, какъ дѣлаютъ часто пьяницы, и закусилъ кусочкомъ хлѣба съ солью.

— Дай-ка и мнѣ,—сказалъ другой офицеръ, и тоже налилъ себѣ.

— Хорошему примѣру нужно слѣдовать,—замѣтилъ третій, и тоже выпилъ.

Примѣръ дѣйствительно имѣлъ большой успѣхъ. Между тѣмъ Пахтунину другой слуга уже подаль трубку съ «жуковымъ», съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ. Папиросы тогда только начали входить въ употребленіе и считались позволительными только для куренія на скорую руку; истинные любители отзывались о нихъ съ пренебреженіемъ и оставались вѣрны трубкѣ и знаменитому «жукову», прибавлять къ названію котораго слово «табакъ» считалось плеоназмомъ.

— Ну, рассказывай!—снова пристали пріатели къ Сенѣ Пахтунину, когда онъ, раскуривъ трубку, раза два жестоко затянулся и выпустилъ изъ-подъ густыхъ усовъ цѣлые клубы дыма.

— Да чтѣ рассказывать!—сдѣлавъ мину полнѣйшаго равнодушія, началъ онъ. — На прошедшей недѣлѣ была моя очередь идти съ ротой на зимніе маневры. У меня противникомъ былъ Рукинъ—московскій (это значило московскаго полка). Мы сошлись у Краснаго Кабачка, дали солдатамъ на вино, а сами отправились завтракать. Но вы знаете «нашъ» имѣетъ слабость меня преслѣдовать. Узналъ онъ, что я въ маневрахъ: прислуга—ослы!—завѣдалась, глядь, а «онъ» въ дверяхъ: не лѣнь было нарочно прискакать за десять верстъ!

— Этакъ вы сражаетесь?—говорить.—А у самого брови такъ

и накрыли глаза. А передъ нами два графина, двѣ бутылки, да сдобный пирогъ!

Рукинъ совсѣмъ опѣшилъ.

— Ваше—ство, — говорю я, — я заключилъ съ непріателемъ перемиріе на выгодныхъ условіяхъ: онъ угощаетъ меня завтракомъ на свой счетъ! — Ну, онъ губу закусилъ, чтобы не разсмѣяться, а все-таки отправилъ тотчасъ на гауптвахту. И вотъ, цѣлую недѣлю выдержалъ тамъ!

Всѣ расхохотались. Анекдотъ былъ свѣжъ и имѣлъ огромный успѣхъ: на другой день можно было его развозить по городу.

— Кушать подано! — возвѣстилъ дворецкій въ черномъ фракѣ.

Всѣ отправились въ столовую. Къ гостямъ, сидѣвшимъ въ кабинетѣ, присоединилось нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ или ходившихъ въ другихъ комнатахъ. Въ столовой съ великолѣпнымъ буфетомъ изъ рѣзного дуба, уставленнаго превосходнымъ серебромъ, китайскимъ фарфоромъ и англійскимъ фаянсомъ, былъ накрытъ отлично сервированный столъ для ужина. На другомъ столѣ стояло съ десятокъ сортовъ водокъ, столько же кувшиновъ съ разными иностранными бальзамами и настойками и рядъ тарелокъ со всевозможными сырами и закусками. Гости яростно напали на первый столъ, изъ которыхъ тѣ, что выпили въ кабинетѣ, что называлось выпить «на-черно», не отставали отъ тѣхъ, кто пилъ и закусывалъ прямо «на-бѣло».

Здѣсь позволимъ себѣ маленькое замѣчаніе о фактѣ, весьма характеристичномъ для сужденія о человѣческомъ обществѣ, хотя бы самомъ развитомъ. Мы бы посоветовали любителямъ для наблюденій, выбравъ день, когда докторъ или прямо желудокъ велѣть имъ быть на діетѣ, взглянуть на массу людей зажиточныхъ и развитыхъ, когда ей предлагается напередъ оплаченная или даровая закуска въ клубѣ, на общественномъ обѣдѣ или у холостого и нецеремоннаго хозяина. При этомъ наблюденіи всякій любитель, съ болѣе или менѣе глубокимъ огорченіемъ, ясно убѣдится изъ той жадности и ярости обжорства, съ которыми люди, вовсе не голодающіе, набрасываются на кормъ, до какой степени всеядное животное — человѣкъ — сохраняетъ связь съ своими болѣе обиженными природой родственниками! Мы не сомнѣваемся, что самый ярый противникъ ученія Дарвина не только долженъ будетъ признать тогда нелестное для него родство съ животными, но даже увидить, что ни одно голодное стадо четвероногихъ не бросается такъ беззащитно на приготовленный для него кормъ,

какъ его собратья человѣческаго рода, и только развѣ голодные волки да куры, которымъ домовитая хозяйка разсыпаетъ крупу съ приглашеніемъ «ти-ти-ти», могутъ въ этомъ съ нею соперничать.

— Господа! не забывайте, что насъ ожидаетъ ужинъ,—глядя на гостей, вынужденъ былъ сказать хозяинъ, въ качествѣ гастронома нелюбившій, чтобы закуска, которой обязанность возбуждать аппетитъ, его удовлетворяла и портила. Вслѣдствіе этого взгляда, Елабужскій, къ огорченію Сени Пахтунина и другихъ испивателей, несмотря на ихъ протестъ, не соглашался велѣть подавать закуску задолго до ужина.

Гости вняли, наконецъ, приглашенію хозяина, а еще болѣе увлеклись его примѣромъ, когда тотъ сѣлъ за столъ, не дожидаясь ихъ.

Ужинъ былъ утонченно-роскошенъ. Были устрицы какъ-то необыкновенно поджаренныя съ сыромъ и лимоннымъ сокомъ; была солонина, приготовленная въ малагѣ, мягкая какъ пуховикъ, причемъ прислуга, перемѣняя приборъ, подавала только однѣ, разумѣется серебряныя, вилки, чтобы какой-нибудь профанъ не вздумалъ рѣзать эту солонину, какъ плебейскую солонину, желѣзнымъ лезвиемъ ножа; была какая-то аспазія, какъ и слѣдовало быть аспазіи, съ грудой цѣльныхъ трюфелей; были фазаны и перепелки съ свѣжимъ салатомъ, наконецъ какой-то сарданапаль изъ фруктовъ, между которыми была обильно залита свѣжая земляника и малина. И все это орошалось превосходными винами, рядъ которыхъ стоялъ кругомъ.

— Мы не знаемъ еще вашихъ вкусовъ,—сказалъ Дмитрій Дмитричъ, привѣтливо обращаясь въ началѣ ужина къ Гришѣ Махмурову.—Вы какое вино любите?

Гриша былъ затрудненъ. Онъ любилъ хорошее вино, но былъ совершеннымъ новичкомъ въ его распознаваніи и могъ по нуждѣ назвать только самыя родовыя названія, никакъ не понимая даже второстепенныхъ разновидностей.

— Я предпочитаю красное,—сказалъ онъ, и при этомъ лицо его само вдругъ приняло цвѣтъ, близко подходящій къ избранному имъ виду.

Красное! О, святая наивность! Какъ будто не существуетъ сотенъ сортовъ красныхъ винъ!

Но Гриша Махмуровъ такъ былъ смущенъ, невѣжественъ, что даже не сказалъ, предпочитаетъ ли бургонскія или бордосскія.

Сосѣдъ слѣва, Пьеръ Турановъ, молодой человѣкъ старой княжеской фамиліи, извѣстный искусствомъ варить жженку, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Гришу.

— Я вамъ рекомендую это бургонское,—сказалъ, вырочая Гришу, Ганичка Меклешовъ, возлѣ котораго онъ сидѣлъ. Ганичка, какъ оказалось, не былъ еще интимно принятъ въ кружокъ золотой молодежи тогдашняго времени и радъ былъ играть роль покровителя хоть новобранца Гриши.

Дмитрій Дмитричъ взглянулъ на дворецкаго, и тотъ услужливо поставилъ передъ Гришей бутылку названнаго вина.

Гриша попробовалъ вино, причеиъ имѣлъ неловкость налить его себѣ въ зеленую рюмку, назначаемую для рейнвейна: вино какъ бархатъ полилось ему въ горло.

— Превосходно!—сказалъ Гриша.

Дмитрій Дмитричъ съ пріятной улыбкой кивнулъ ему головой, и съ этихъ поръ всякій разъ, какъ Гришѣ случалось ужинать или обѣдать (онъ впослѣдствіи часто удостоивался, какъ увидимъ, и этой чести) у Елабужскаго, бутылка избраннаго имъ бургонскаго Vieux Cers неизмѣнно подвигалась къ его прибору услужливымъ дворецкимъ или приносилась изъ погреба и ставилась передъ нимъ, если ея не было на столѣ. Такова была внимательность къ гостямъ, которую Елабужскій требовалъ отъ своей прислуги.

Когда Гриша осмотрѣлся и разспросилъ у Ганички Меклешова про лицъ ему неизвѣстныхъ, онъ увидалъ, что находится въ полномъ собраніи всѣхъ извѣстностей и знаменитостей великосвѣтской молодежи. Мы уже упомянули о Сеничкѣ Пахтунинѣ, который сидѣлъ рядомъ съ хозяиномъ. Возлѣ него сидѣлъ стройный конногвардеецъ, съ темными кудрявыми волосами и пріятно-красивымъ, откровеннымъ и честнымъ лицомъ, извѣстный подъ прозвищемъ Додо, другъ Лермонтова и, какъ гласила молва, счастливый обожатель первой лъвицы того времени, блестящей княгини Б*. Додо былъ всеобщимъ любимцемъ—по своему пріятному характеру, и вожакомъ молодежи, судьей въ дѣлахъ чести и тѣхъ условныхъ понятій о ней, которыя господствовали въ военныхъ кружкахъ—по своимъ рыцарскимъ понятіямъ и щепетильности въ дѣлахъ этого рода. Впрочемъ, Додо вовсе не былъ педантомъ, а напротивъ, веселымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Рядомъ съ нимъ, нахмуясь, сидѣлъ его однопольчанинъ, высокій, съ смуглымъ, некрасивымъ, но умнымъ лицомъ, Вася Лубенскій, мужъ предестинной жены, съ которой онъ жилъ врозь изъ-за какихъ-то пустяковъ. Несмотря на свою некрасивость, Лубенскій правился женщинами—можетъ быть потому, что съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на нихъ,—пилъ—отъ страшной скуки и бездѣйствія, и по той же причинѣ готовъ былъ участвовать во всякой безумной проказѣ. Незадолго передъ тѣмъ, Лубенскій почти открыто вступилъ въ

связь съ одной денежной аристократкой, бросившей для него своего богатаго мужа; объ этомъ всѣ тогда говорили, Лубенскому завидовали, но онъ не становился отъ этого веселѣе.

А вотъ, въ статскомъ платьѣ, съ густыми, черными, вьющимися до воротника волосами и острымъ соколинымъ красивымъ лицомъ пилъ и острилъ безъ перерыва здоровый, какъ атлетъ, князь Жоржъ Турчановъ. Похожденія Жоржа Турчанова могли бы уже въ то время доставить ловкому писателю великолѣпный матеріалъ на большой романъ, въ родѣ Дюмазовскихъ «Мускетеровъ». Турчановъ былъ родственникъ одного сильнаго въ то время лица и постоянно съ нимъ ссорился; имѣлъ хорошее состояніе, которое за расточительность было взято въ опеку; женился, отбивъ на пари невѣсту у пріятеля, и черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы въ Москвѣ поѣхалъ на охоту и пропалъ безъ вѣсти, а затѣмъ былъ найденъ встревоженными кредиторами за кровать известной актрисы Эстель, въ Петербургѣ. Турчановъ былъ остеръ и уменъ, но, кромѣ глупостей, ничего не дѣлалъ; служилъ въ гвардіи и два раза выходилъ въ отставку, но всякій разъ по прошествіи нѣкотораго времени получалъ сюрпризомъ приказъ объ опредѣленіи на службу въ какой-нибудь армейскій кавалерійскій полкъ. Остроуміе Турчанова стоило ему иногда дорого.

— Скажите Турчанову, что онъ ничего не дѣлаетъ! Куда я ни пойду, всюду встрѣчаю его!—сказало про него одно высоконачальствовавшее лицо.

— Совершенно справедливо,—отвѣчалъ Турчановъ,—я дѣйствительно ничего не дѣлаю: но меня удивляетъ, что я, съ своей стороны тоже, куда ни пойду, всюду встрѣчаю начальствующее лицо!

Этотъ отвѣтъ стоилъ Турчанову двухъ лѣтъ службы на Кавказѣ. Но, несмотря на блестяція для свѣтскаго человѣка качества, несмотря на веселость, остроуміе и способность пить безъ конца, никогда не опьяняясь, Жоржъ Турчановъ не былъ любимъ товарищами. Причинъ тому было много: во-первыхъ, храбрость Турчанова была весьма подозрительнаго свойства: благодаря остроумію и дерзости на словахъ, у Турчанова много было исторій и вызововъ—но всѣ они кончались какъ-то странно, то полуизвиненіемъ, то отъѣздомъ—а часто Богъ-вѣсть откуда являвшейся на мѣсто поединка полиціей, которая всегда успѣвала узнать про дуэль. Во-вторыхъ, Турчановъ былъ неразборчивъ на средства, чтобы вредить людямъ, которые ему мѣшали въ чемъ-нибудь или были непріятны. Всѣ знали, что не было гадости, которую изъ-подъ руки не распустилъ бы Жоржъ про своего

соперника, будь онъ хоть первый товарищъ и пріятель; про женщину, у которой онъ не успѣлъ въ ухаживаніи, будь эта женщина или дѣвушка чиста какъ бѣлый голубь. Можетъ быть, вслѣдствіе этой репутаціи, у аристократическихъ и вообще порядочныхъ женщинъ Турчановъ не имѣлъ успѣха, но во второстепенныхъ кругахъ, въ провинціи, въ полусвѣтѣ—успѣхъ его былъ громаденъ и онъ имъ пользовался, не щадя тѣхъ, кто плѣнялся его впѣшнимъ блескомъ.

«Я считаю обязанностью сдѣлать предложеніе всякой красивой женщины», говорилъ онъ, «ея дѣло уже принять или не принять его».

«Не надобно ждать, чтобы женщина васъ бросила: надо самому бросать ее»,—было второе его правило, и онъ ихъ бросалъ скоро послѣ побѣды.

«Если вы передъ кѣмъ-нибудь виноваты и знаете, что онъ можетъ справедливо на васъ жаловаться въ свѣтѣ—старайтесь предупредить его жалобы какимъ-нибудь обвиненіемъ, хоть бы самымъ вздорнымъ. Тогда обиженный будетъ дѣзть изъ кожи, чтобы оправдаться самому, а обвиненіе будетъ или оставлено, или отодвинуто на задній планъ». Таково было третье правило Турчанова.

По нимъ можно составить себѣ понятіе объ этой свѣтской извѣстности.

Было много и другихъ извѣстностей: былъ тутъ Васька Лакунинъ—первый мазуристъ, несмотря на свою толщину; былъ только-что вышедшій изъ университета, маленький, съ густыми, взбитыми черными кудрявыми волосами и серьезнѣйшимъ—особенно, когда выдѣлывалъ фарсъ—лицомъ, Ташлинцевъ, извѣстный комикъ, мастерской рассказчикъ различныхъ сценъ и псключительно посвятившій себя проказамъ и фарсамъ; богатѣйшій князь Кантабуръ, извѣстный своей глупостью—и даже Гавичка Меклешовъ, который становился извѣстностью по своей связи съ богатой, набожной и весьма вліятельной барыней—могущей по лѣтамъ быть ему бабушкой—и какъ бабушка, ему ворожившей въ свѣтѣ.

И въ этомъ кругу одинъ Гриша Махмуровъ видѣлъ себя ничѣмъ не замѣчательнымъ, ничего не умѣющимъ прищельцемъ! О, какъ завидовалъ онъ вотъ хоть бы этому безобразному толстому капитану, который извѣстенъ тѣмъ, что, не переводя духу, выпиваетъ изъ горлышка бутылку шампанскаго; или вотъ этому скромному и солидному отставному лейтенанту, который, живя иногда зимою въ деревнѣ, выписывалъ себѣ для занятія полный

по преїскуранту подборъ винъ изъ четырехъ лучшихъ погребовъ, сравнивалъ одинаковые сорта одного погреба съ другимъ, ставилъ имъ баллы какъ на экзаменѣ и могъ съ полною основательностью увѣрить, что букетъ у Елисѣевскихъ бордоскихъ винъ начинается чувствоваться съ лафита № 28-го, а крѣпкія вина англійскаго погреба на одинъ № выше Раулевскихъ!

Но и Гриша, самъ того не замѣчая, готовъ былъ сдѣлаться извѣстностью. Впрочемъ, не будемъ предупреждать событій.

Ужинъ шелъ къ концу, разговоръ становился все живѣе и живѣе.

— Подвинь-ка мнѣ, Турчановъ, это бургонское! — сказалъ Пахтунинъ.

— Я бы тебѣ совѣтовалъ не пить красное, — замѣтилъ Турчановъ, подвигая бутылку, — а то у тебя и безъ него носъ изъ московскаго полка просится въ александрійскіе гусары ¹⁾.

— Ничего! — спокойно отвѣтилъ Пахтунинъ: — онъ свое дѣло сдѣлаетъ и вездѣ будетъ впередъ лѣзть. И онъ налилъ себѣ полный стаканъ вина.

Можетъ быть, этотъ отвѣтъ былъ сдѣланъ безъ умысла, но Турчановъ видѣлъ въ немъ намекъ на свою трусость, и его внутренно покорило. Но онъ зналъ, что дерзостью съ Пахтунинымъ ничего не возьмешь и поспѣшилъ замять разговоръ.

— А, кстати! говорятъ, Эстель пріѣхала, видѣлъ ты ее? — спросилъ онъ у Пахтунина.

Эстель была второстепенной, но очень красивой собою актрисой французской труппы. Съ этой актрисой одно время Турчановъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ.

— Встрѣчалъ у Мальвины, — отвѣчалъ Пахтунинъ, — пріятель всѣхъ музыкантовъ, пѣвицъ и актрисъ.

— Спрашивала обо мнѣ? — спросилъ Турчановъ.

— Спрашивала! — отвѣтилъ Пахтунинъ, — но лучше бы тебѣ не наводить о ней справокъ.

— Отчего же? — спросилъ Турчановъ.

— Да оттого, — отвѣчалъ Пахтунинъ, — что, я полагаю, кучеръ, котораго я сегодня вытолкалъ отъ себя въ шею, не будетъ такъ энергично вспоминать меня, какъ она тебя.

— О женщины! — съ своей обычной комической ужимкой плечами, сказалъ Турчановъ, произнося букву е въ этомъ словѣ, какъ французское i передъ n.

¹⁾ У московскаго полка — красный воротникъ, у александрійскихъ гусаръ — малиновый ментикъ.

— Ахъ! хорошо, что ты напомнилъ, — спохватился Пахтунинъ. — Господа! — сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ. — Мнѣ сегодня Эстель разсказала про Турчанова прелестный анекдотъ о томъ, какъ онъ дѣлаетъ подарки. Слушайте! этотъ отличный способъ пригодится многимъ.

Разговоръ смолкъ. Турчановъ улыбался и сталъ пить вино.

— Прошедшей весной, когда Эстель жила у Турчанова, или Турчановъ жилъ у Эстель, — началъ Пахтунинъ, — она пристала къ нему, чтобы онъ ей подарилъ шаль, которую она увидала въ какомъ-то магазинѣ.

— Турецкую шаль въ двѣ тысячи рублей, — прибавилъ Турчановъ, — когда у меня не было въ карманѣ двухсотъ!

— Да! и несмотря на это черезъ день Турчановъ ей эту шаль подарилъ, — сказалъ Пахтунинъ.

— Что же дѣлать! Я не могу ни въ чемъ отказывать хорошенькимъ женщинамъ, — вставилъ опять Турчановъ, улыбаясь и пожимая плечами.

— Да! но штука въ томъ, какъ подарить шаль въ двѣ тысячи безъ денегъ и долга. Тутъ-то и проявляется талантъ! — продолжалъ Пахтунинъ.

— На другое утро послѣ подарка, разсказывала мнѣ Эстель, начинаетъ Турчановъ капризничать и придирается къ ней. Ну, вы знаете, Эстель не изъ такихъ, чтобы спустить кому-нибудь. Слово за словомъ, ссора становится сильнѣе и сильнѣе. Вдругъ Турчановъ упрекаетъ Эстель, что она неблагодарна, что онъ разорился для нея на подарки, которыхъ она не стѣдитъ — хватаетъ шаль изъ картона. Такъ вотъ же тебѣ! — говоритъ, и бросаетъ шаль за окно.

— Молодецъ! — громко сказалъ князь Кантабуръ, знаменитый своей глупостью.

— Эстель говоритъ, что она просто ахнула и обмерла отъ испуга, — продолжалъ Пахтунинъ. — Она бросается къ окошку и видитъ, что какой-то франтъ подхватилъ ея шаль и садится на извозника. Она хотѣла-было кричать — Турчановъ не позволилъ. На бѣду, франтъ оглянулся — и представьте удивленіе Эстель! — она узнаетъ въ немъ камердинера Турчанова! Турчановъ взялъ шаль на-прокатъ на одинъ день и велѣлъ своему лакею ждать подъ окномъ, когда онъ ему выбросить.

— Bravo! — закричали многіе.

— Что же мнѣ было дѣлать! Развѣ можно отвязаться отъ женщины, да еще французенки, коль она что захочетъ, — сказалъ Турчановъ. — А съ другой стороны, — пожавъ комично пле-

чани, продолжалъ онъ, — я не такъ глупъ, какъ думаетъ обо мнѣ Кантабуръ, чтобы выбрасывать за окно тысячныя вещи, не поставивъ прежде внизу своего лакея.

— Если Эстель тебя за это бросила, то ты можешь себя поздравить, что сдѣлалъ выгодную штуку и однимъ камнемъ убилъ двухъ птицъ, — замѣтилъ Дубенскій.

— Да! Нынче «эти дамы», какъ называютъ ихъ наши дамы, стали нестерпимы, дороги и капризны, и если бы я не былъ уже женатъ, то я бы женился для экономіи и спокойствія, — сказалъ Турчановъ. — Ахъ! кстати, — прибавилъ онъ, взявъ широкій розовый бокалъ шампанскаго, который въ это время наливалъ слуга. — Дмитрій Дмитричъ, нельзя ли васъ поздравить. Я замѣтилъ, что вы какъ будто намѣрены присоединиться къ нашему полку?

— Вы забыли, князь, что я вдовецъ и потому при всемъ моемъ желаніи не могу увеличить полкъ людей, живущихъ врозь съ своими женами, — съ улыбкой замѣтилъ Дмитрій Дмитричъ.

— Да, но вы знаете пословицу, чтобы сдѣлать блюдо изъ зайца, надобно прежде всего достать зайца. Впрочемъ, особа, которую «мы зна-емъ» — Турчановъ растянулъ эти слова, — такъ прелестна, что вы, конечно, выполните только первую половину нашей программы и — я не сомнѣваюсь — не прибѣгнете ко второй.

— Не знаю и не желаю пытаться узнать, — сказалъ Елабужскій, выразительно глядя на Турчанова, — на кого вы намекаете, но когда я буду имѣть какія-нибудь намѣренія, которыя захочу открыть всему свѣту, я непременно ихъ сообщу вамъ, князь, по секрету.

— Ну, это несправедливо! Вы меня не знаете! Это могила для довѣренныхъ тайнъ, — ударяя себя въ сильную грудь и смѣясь, сказалъ Турчановъ. Онъ замѣтилъ, что его намекъ не понравился Елабужскому и потому спѣшилъ переменить разговоръ.

— Если ты говоришь про эту миленькую особу, къ которой Дмитрій Дмитричъ повадился заходить въ ложу, — сказалъ Турчанову князь Кантабуръ, — такъ она дѣйствительно прелестна! Какъ ея фамилія?

Елабужскій нѣсколько покраснѣлъ отъ этого грубаго вопроса своего гостя, не понявшаго его желаніе не продолжать этотъ разговоръ, но его выручилъ Турчановъ.

— Я бы на твоёмъ мѣстѣ, Кантабуръ, — быстро сказалъ Турчановъ, — перешелъ въ католицизмъ, какъ Гагаринъ, надѣлъ бы рясу и сталъ исповѣдывать: ты бы тогда дѣлалъ всегда удачныя вопросы и получалъ на нихъ отвѣты.

Турчановъ понялъ желаніе хозяина и охотно трунилъ надъ Кантабуромъ.

Кантабуръ, который сидѣлъ недалеко и былъ тугъ на пониманіе намековъ, не понялъ, что хотѣлъ сказать Турчановъ и обратился за разъясненіями къ своему сосѣду.

— Господа, — сказалъ хозяинъ, — желавшій прервать этотъ разговоръ: Иванъ Петровичъ — онъ указалъ на молодого Ташлинцева — обѣщалъ намъ давеча рассказать новую сцену своихъ «чиновниковъ». Надѣюсь, онъ теперь не откажется.

Ужинъ въ это время кончился и на столъ было поставлено нѣсколько ящичковъ съ сигарами и куски всевозможныхъ сыровъ. Всѣ закурили, продолжая пить шампанское и закусывая для освѣженія вкуса тѣмъ или другимъ сыромъ.

Ташлинцевъ исполнилъ общее желаніе тѣмъ охотнѣе, что не прочь былъ показать себя. Сцена состояла въ томъ, что чиновники, начиная отъ главнаго до послѣдняго, представляются новому начальнику. Подмѣчена и выполнена была эта сцена дѣйствительно съ огромнымъ талантомъ. Съ помощью небольшого измѣненія прически, застегнутаго или разстегнутаго сюртука и, главное — измѣненія лица и голоса — передъ зрителями, какъ живые, являлись и важный, ничего еще непонимающій начальникъ, и знающій себѣ цѣну дѣла-помощникъ, и подличающіе, каждый на свой ладъ, независимые чиновники особыхъ порученій, и средней руки дѣльцы, и загнанные, испуганные мелкіе помощники столоначальниковъ. За этой сценой слѣдовали другія; въ промежутокъ рассказывались пикантныя новости и анекдоты. Толстый капитанъ, несмотря на то, что пилъ исправно во весь ужинъ, показалъ свой фокусъ съ бутылкой шампанскаго. Пахтунинъ спѣлъ нѣсколько комическихъ пьесокъ, которыя онъ исполнялъ мастерски. Словомъ, всякій выказывалъ всѣ свои таланты: было шумно, весело и полупьяно.

Гриша Махмуровъ оставался со всѣми. Странно чувствовалъ онъ себя среди этой толпы, почти ему чуждой. То молодое демократическое чувство и критическій взглядъ, съ которыми онъ собирался къ Елабужскому, исчезли подъ вліяніемъ чувства удовольствія и самодовольствія, которыя внушаетъ роскошная обстановка, роскошное угощеніе и ловкая привѣтливость хозяина. Ему, молодому человѣку, по рожденію, состоянцію и воспитанію принадлежавшему къ хорошему кругу, пріятно было видѣть себя въ кругу лучшей свѣтской молодежи, который такимъ образомъ отворялся для него. Правда, онъ игралъ въ немъ совершенно незамѣтную роль, или, лучше сказать, не игралъ еще никакой роли, но все-

таки къ нему относились привѣтливо, въ немъ всѣ видѣли «своего» человѣка, который входитъ въ кружокъ, гдѣ имѣетъ право занимать мѣсто, а не какого-нибудь неблагогорожденного, втирающагося въ свѣтъ пройдоху. Отличное вино, веселая бесѣда, эти таланты, эти знаменитости своего рода, про которыхъ онъ слышалъ только рассказы и анекдоты, все заставляло его забыть свои предубѣжденія и настроило пріятнѣйшимъ образомъ. Только вдругъ, среди этого настроенія, какъ скрипъ желѣза по стеклу, прорвался разговоръ о женитьбѣ Елабужскаго. Какъ скоро было упомянуто о ложѣ, въ которой является Дмитрій Дмитричъ, Гриша не сомнѣвался болѣе, что рѣчь шла объ его кузинѣ. Но что это? Пустая ли болтовня и шутка, или та, все-предчувствующая и все-предвидящая молва, которая положительно говоритъ о событіяхъ еще прежде, нежели они свершились? Послѣдующая бесѣда, пѣніе, представленіе, фокусы, снова заставили Гришу забыть, но среди его веселости чувствовалъ онъ, что какая-то заноза засѣла внутри его и нѣтъ-нѣтъ напоминала о себѣ и мѣшала ему отдаваться всецѣло и беззавѣтно веселью. Часу въ 4-мъ утра, кто-то взялся за палашъ и шляпу и вся толпа, какъ стая птицъ, поднялась разомъ и всѣ вдругъ гурьбою стали разъѣзжаться. Вмѣстѣ съ другими вышелъ и Гриша. Многіе уѣхали на своихъ лошадяхъ, другіе на извозчикахъ, смѣтливыхъ ночныхъ извозчикахъ, которые знаютъ всѣ назначенные дни во всѣхъ петербургскихъ богатыхъ домахъ и ждутъ у ихъ подъѣзда. Но тутъ при разъѣздѣ Махмурову, нѣсколько утомленному и съ удовольствіемъ уже подумывающему о постелѣ и съ неудовольствіемъ о завтрашнихъ лекціяхъ, бросилась въ глаза одна особенность: большинство разъѣзжавшихся, какъ будто не знало, что съ собою сдѣлать. Большинство это не довольствовалось пиромъ—полнымъ, какъ полная чаша, его какъ будто пугала постель и отдохновеніе и завтрашній день безцѣльный, бездѣльный, который снова надобно убивать, какъ злѣйшаго врага. Этой свободной, обезпеченной молодежи какъ будто до смерти надобла необходимость ложиться каждый день спать и каждый день вставать. Кажется, ея ли жизнь не была завидна? Немного скучной службы и потомъ цѣлый день, полный развлеченій, удовольствій, съ единственной заботой, какъ лучше и пріятнѣе скоротать его! А между тѣмъ, видно было, что скука душила этихъ молодыхъ, здоровыхъ, достаточныхъ людей, что они не знали, какъ отдѣлаться, какъ отъ скучнаго гостя, отъ своего дня, если нельзя было его пропить или проиграть,—у нихъ не было цѣли жизни, труда къ достиженію этой цѣли, которые красятъ жизнь,

у нихъ не было ничего завѣтнаго и дорогого, чему бы они служили съ радостью, съ убѣжденіемъ и самопожертвованіемъ. Видно было, что на нихъ краемъ крыла не повѣяла самая мысль о задачахъ жизни. Даже тѣ изъ нихъ, съ талантомъ несомнѣннымъ, которымъ этотъ талантъ самъ указывалъ ихъ путь, не имѣли силъ бросить натопанную, свѣтскую и служебную колею — и сдѣлали изъ своихъ талантовъ маленькую свѣтскую забаву! И виноваты ли они въ томъ? Нѣтъ! Для того, чтобы бросить набитую колею, нужна сила воли и рѣшимость на борьбу. Строгій взглядъ на жизнь составляетъ принадлежность пробуждающихъ великихъ эпохъ, а во времена общей апатіи, подавленности и сна — подобныя мысли остаются удѣломъ только самаго развитого меньшинства.

— Ты куда, Сеня? спрашивалъ Турчановъ Пахтунина.

— А чортъ знаетъ куда! самъ не знаю.

— Поѣдемъ къ Бауеръ!

— Ну ее!

— Да хоть выпьемъ тамъ!

— А, пожалуй! нѣ-хотя говорилъ, садясь въ сани къ Турчанову, Сеня Пахтунинъ, которому уже не хотѣлось ни пить, ни ѣхать куда-нибудь, ни оставаться, особенно съ Турчановымъ.

— Кантабуръ, и ты съ нами? — кричалъ Турчановъ.

— Нѣтъ! — Я заѣду къ Жижинскому, тамъ еще вѣроятно играютъ.

Турчановъ пожалѣлъ, что онъ не поѣхалъ съ Кантабуромъ, на счетъ котораго удалось бы, быть можетъ, по этому случаю сыграть — ибо и Кантабуръ уже не давалъ займы Турчанову — но было уже поздно!

Молодой Ташлинцевъ, еще тоже новичокъ между этой молодежью, пошелъ одинъ. Ночь была свѣтлая и нѣсколько морозная, но послѣ дыма и вина пріятно было пройтись пѣшкомъ. Толстый капитанъ и морякъ, экзаменовавшій вина, плѣненные талантомъ Ташлинцева, пошли тоже за нимъ, хотя имъ было и не по дорогѣ; къ нимъ присоединился и Махмуровъ.

Молча прошли они кварталъ или два, и капитанъ уже выразительно зѣвнулъ, ругнувши, что нельзя на улицѣ курить, когда Ташлинцевъ вдругъ остановился у булочной и началъ стучать въ форточку. Всѣ сопровождавшіе его тоже остановились.

Черезъ нѣсколько минутъ стука и ожиданія, форточка открылась и заспанное, сердитое лицо нѣмца, въ колпакѣ, высунулось въ нее.

— Что вамъ пужно? — спросилъ онъ сердито.

— Есть у васъ бѣлый хлѣбъ?—спросилъ его Ташлинцевъ.

— Есть!—смигчаясь, отвѣчалъ булочникъ.

— Благодарите Бога!—наставительно и невозмутимо серьезно, сказалъ Ташлинцевъ,—ибо есть много людей, у которыхъ нѣтъ и чернаго!—И Ташлинцевъ пошелъ дальше, сопровождаемый громкимъ, задумчивымъ смѣхомъ товарищей, смотрѣвшихъ на изумленное лицо нѣмца.

Прошло нѣсколько времени, прежде нежели нѣмецъ понялъ, что надъ нимъ смѣются. Но когда въ его заспанной головѣ проявилась догадка, надо было видѣть, съ какимъ озлобленіемъ и яростью онъ пустилъ вслѣдъ уходящимъ самое крѣпчайшее, нѣмецкое слово.

— А не разбить ли намъ нѣмцу рожу,—остановясь, сказалъ морякъ, когда услышалъ ругательства.

— Нѣтъ, зачѣмъ же!—Это можно будетъ сдѣлать въ другой разъ,—флегматически отвѣтилъ Ташлинцевъ. И, пожелавъ всѣмъ покойной ночи,—кликнулъ извозчика.

Махмуровъ сдѣлалъ то же и поѣхалъ домой, оставивъ на тротуарѣ о чемъ-то еще совѣщающихся толстого капитана и отставного моряка.

ГЛАВА VII.

Поздно, съ тяжелой головой проснулся на другой день Гриша Махмуровъ. Головная боль и дурной вкусъ во рту всегда заставляютъ глядѣть на свѣтъ весьма мрачно и много убавляютъ въ воспоминаніи удовольствія кануна. Таковъ былъ взглядъ Гриши на вчерашній вечеръ. Послѣдствіемъ этого было то, что никогда Гриша не чувствовалъ въ себѣ такихъ демократическихъ взглядовъ, какъ на другой день послѣ этого аристократическаго пира. Роскошь угощенія и обстановка казались ему какимъ-то развратомъ богатства, веселая бесѣда и свѣтская молодежь сборищемъ какихъ-то шутовъ и всего хуже, всего непозволительнѣе казался ему намѣкъ на склонность Елабужскаго къ его кузинѣ. Вопросъ этотъ представлялся Гришѣ гораздо сильнѣе и ярче, чѣмъ наканунѣ за виномъ и болтовней, и онъ увидѣлъ, что дѣйствительно были основанія для подобнаго предположенія. Отчего Елабужскій не пропускаетъ ни одного раза, чтобы не зайти въ ложу къ Махмуровымъ? Зачѣмъ ему, который и безъ того не упомнить всѣхъ своихъ петербургскихъ знакомствъ, было дѣлать визитъ провинціальной барынѣ и горячо хлопотать по ея дѣлу?

Что, наконецъ, за приливъ внимательности къ его, Махмурова, отцу и къ нему самому, Гришѣ Махмурову! О, еслибы наканунѣ эта мысль и поводъ, по которому онъ удостоился приглашенія, пришли на мысль Гришѣ, никакія убѣжденія въ мірѣ не заставили его ногой вступить въ раззолоченную квартиру Елабужскаго, да и сама Веточка, надѣюсь, не поощрила бы его на это.

Теперь все стало ясно для Гриши, и, конечно, эти соображенія были вовсе не такого рода, чтобы могли смягчить его мрачное настроеніе. Поэтому онъ самъ имѣлъ видъ какъ разъ того хмураго и какъ будто въ высшей степени недовольнаго собою январьскаго, кислаго, петербургскаго дня, который стоялъ въ это время надъ столицей, когда часу во второмъ дня сошелъ внизъ къ теткѣ и кузинѣ. Обѣ онѣ были дома. Анна Павловна, несмотря на свое благодушіе, была тоже въ кисленькомъ настроеніи: петербургскій климатъ донималъ ее и она никакъ не могла устоять противъ его окисляющаго вліянія. Но Веточка была такая же нѣжно-розовая, какъ и всегда, и давно ждала съ нетерпѣніемъ Гришу, о проспаныи котораго университетскихъ лекцій имѣла уже тайныя свѣдѣнія.

— А, наконецъ-то! — сказала она, здороваясь съ нимъ: — долго же сегодня васъ задержалъ университетъ: вы, говорили, кажется, что лекціи кончаются въ двѣнадцать?

— Вы меня прогнали вчера на ужинъ, который только начинается въ 12 часовъ ночи, такъ трудно было ожидать, чтобы въ 9 часовъ утра я былъ способенъ слушать римское право, — отвѣтилъ Гриша, садясь въ уголь.

— Вы поздно вернулись? — спросила Веточка.

— Въ пятомъ часу! — мрачно замѣтилъ Гриша и замолчалъ.

— Ну, рассказывайте же, каковъ былъ вчера вечеръ, — томно сказала Анна Павловна. — Много было?

— Полный комплектъ свѣтскихъ пустозвоновъ Петербурга, — отвѣтилъ Гриша.

— А ужинъ хорошъ?

— До безобразія!

— Что это вы, Гриша, не хотите ничего рассказать порядкомъ! — сказала огорченная Анна Павловна. — Что вы, обидѣлись, что-ли, тамъ чѣмъ-нибудь?

— Ничѣмъ я не обиженъ, — сказалъ Гриша. — У меня просто голова болитъ отъ этихъ всѣхъ сыровъ, великолѣпнѣйшихъ винъ, тончайшихъ блюдъ и пустѣйшихъ разговоровъ.

— Страшно, что на васъ не угодили ужиномъ, кото-

рымъ восхищается весь Петербургъ, — сказала Анна Павловна, вставая. — Оставайтесь тутъ съ вашимъ пріятнымъ настроеніемъ, а у меня и безъ того мигрень — я пойду отдохнуть.

И Анна Павловна, огорченная, вышла среди безмолвія молодой пары, которая имѣла особенную жестокость ни однимъ словомъ не высказать сожалѣнія объ ея уходѣ.

Елизавета Николаевна, тотчасъ по уходѣ матери, распорядилась совсѣмъ иначе, чтобы привести въ хорошее расположеніе духа своего кузена. Она воткнула иглку въ шитье, сложила его на столъ и пересѣла на стулъ, какъ разъ противъ Гриши.

— Ну, говорите же, Гриня, что васъ огорчило? — Я вижу, что тутъ не одна головная боль? Или въ самомъ дѣлѣ голова болитъ? — озабоченно спросила Веточка, заглядывая въ лицо Гришѣ. Хотите о-де-колоу? — И Веточка готова была встать и пойти.

— Нѣтъ! останьтесь, — сказалъ Гриша. — И голова у меня болитъ, и дѣйствительно я услыхалъ вещи, не совсѣмъ пріятныя.

— Что такое? — тревожно спросила Веточка.

— А то, — сказалъ Гриша, — что въ свѣтѣ говорятъ уже, что Елабужскій обратилъ на тебя особенное вниманіе и можетъ быть думаетъ на тебѣ жениться.

Надобно сказать, что Гриша, передавая это извѣстіе кузинѣ, имѣлъ въ виду близость ушей Анны Павловны и принялъ противъ этого мѣры: во-первыхъ, онъ заговорилъ съ Веточкой по-французски, — а этотъ языкъ Анна Павловна, плохо знавшая его въ молодости, почти забыла въ провинціи, хотя поощряла Веточку — о, слѣпота родительская! — говорить на немъ съ Гришей «для практики». Во-вторыхъ, Гриша заговорилъ скоро и тѣмъ связнымъ и невнятнымъ говоромъ, которымъ переговариваются чаще всего влюбленные, когда хотятъ, не понижая для этого голоса, чтобы постороннее ухо въ трехъ шагахъ не могло слышать разговора — тонкость, до которой Веточка и Гриша дошли своимъ умомъ и которую усвоили въ совершенствѣ.

— Не можетъ быть! — сказала Веточка. — Съ чего же это взяли! И, несмотря на свою тревогу, Веточка смутилась и покраснѣла, какъ пойманная въ чемъ-то неловкомъ: дѣвушки никогда не слышатъ равнодушно о своихъ побѣдахъ.

— А съ того, что его видятъ всякій разъ въ вашей ложѣ, что онъ съ вами познакомился, хлопоталъ по вашему дѣлу, достаетъ вамъ билеты, присылаетъ букеты. Развѣ не ясно? — сказалъ Гриша.

Веточка еще болѣе покраснѣла.

— А знаете ли? Вашъ папа былъ у насъ сегодня и ска-

заль, что послѣ завтра Елабужскій у него обѣдаетъ, — сказала Веточка.

Очередь Гриши была вспыхнуть.

— Обѣдать у насъ!—Ну, значить, что-нибудь затѣвается!— Отецъ, кажется, нарочно хочетъ сближать васъ, — сказалъ Гриша.

— О, Гриша!—Неужели это такъ? — воскликнула Веточка, взявъ Гришу за руку, какъ будто ища въ немъ защиты.

— Да, это не даромъ! — Отецъ никогда не звалъ Елабужскаго, потому что звать его—значить задать самый изысканный и тонкій обѣдъ, потому что Елабужскій самъ не даетъ другихъ.

— Гриня! Что же намъ дѣлать!—Я ни за что не пойду за него, — чуть не плача, говорила перепуганная Веточка, потому-что, когда первое смущеніе отъ неожиданнаго извѣстія прошло, Веточка испугалась предстоящей опасности.

— Лиза! Лиза!—позвала томнымъ голосомъ Анна Павловна изъ другой комнаты.

Лиза положила палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія.

— Иду, мама!—сказала она, вставая и пожимая руку Гришѣ.

— Я тебя ни за что не отдамъ никому, никому, — тихо сказалъ Гриша, тоже вставая и беззвучно, но крѣпко обнявъ Лизу.

— Веточка вышла въ другую комнату и черезъ минуту пріотворила дверь и сказала Гришѣ.

— У мамѣ голова болить и она проситъ почитать ей что-нибудь. Извините, Гриша, если я оставлю васъ.

— Пожалуйста, безъ церемоніи, — громко сказалъ Гриша. — Мнѣ тоже надо идти. — Добраго здоровья, тетя! — сказалъ онъ по направленію къ двери.

— Merci! — томно сказала Анна Павловна, любившая употреблять нѣсколько французскихъ словъ, оставшихся въ ея памяти.

«А! Они не хотятъ оставлять меня болѣе на-единѣ съ Веточкой», подумалъ Гриша, уходя отъ тетки.

Угрожающіе для любви молодыхъ людей признаки увеличивались. Обѣдъ дѣйствительно состоялся—приглашенныхъ на него было всего человѣка четыре, и Елабужскій повелъ Лизу къ столу, сидѣлъ, разумѣется, рядомъ съ нею и былъ необыкновенно внимателенъ и любезенъ. У Лизы былъ маленькій замыселъ отдѣлаться вовсе отъ обѣда и она съ утра начала жаловаться на жестокую головную боль, но мать и дядя такъ приставали къ ней, что у нея неостало силъ рѣшительно отказаться, и она сдалась. Кромѣ того, молодые люди замѣтили, что у ихъ роди-

телей ведутся какіе-то таинственные разговоры, которые прерываются, какъ скоро зайдетъ кто-либо изъ дѣтей! Они себя не обманывали. Да!—гроза близится, что дѣлать? какъ избѣжать ее?

Случалось тебѣ, читатель, во дни отрочества разорять ласточкины и воробьиныя гнѣзда и съ дѣтскимъ, жестокимъ смѣхомъ смотрѣть на смятеніе, жалобный пискъ и суетню возвратившейся парочки? Или во дни зрѣлости, тебѣ, можетъ быть, удавалось видѣть, какъ совершалось это разореніе тѣмъ или другимъ слушаемымъ? Можетъ быть, ты самъ, гуляя, видалъ, какъ заботливо чиркая, сносили маленькія пичужки соломенки и травку на карнизъ окна, выходящаго на твой балконъ, и ты, найдя такое распоряженіе твоей собственностью неумѣстнымъ и нечистоплотнымъ, кончикомъ трости сбросилъ натасканную кучку и пошелъ, въ качествѣ наблюдателя, доставить себѣ удовольствіе посмотрѣть на маленькую драму, которую твое вмѣшательство произвело въ маленькой птичьей жизни и съ полуснисходительной и полупрезрительной усмѣшкой смотрѣлъ на этотъ пискъ, тревогу и смятеніе. Можетъ быть, одна изъ пташекъ впопыхахъ влетала въ отворенную дверь твоей комнаты, и въ то время, когда она билась о стекло окна, думая пробиться севозъ него въ своему милому, который въ это время, растерявшись совершенно, леталъ съ колонны на колонну и безумно щебеталъ — ты поймалъ ее, посмѣялся надъ ея отчаяннымъ трепетаніемъ, послушалъ, какъ сильно и часто билось ее сердчишко, и ты, незлой и постепенный человѣкъ, бросилъ ее на вольный воздухъ къ ея возлюбленному. Тебѣ, можетъ быть, и не приходило въ голову, какой страхъ, какія тяжелыя минуты переживали въ это время маленькія пернатія! Тебѣ, можетъ быть, испытавшему глубокія человѣческія страданія или вовсе не испытавшему ихъ, а задумывающему проектъ большого банка, гдѣ бы ты былъ директоромъ, или желѣзной дороги, хоть отъ прибалтійскаго моря къ киргизскому верблюду, гдѣ бы ты былъ концессионеромъ, казались смѣшны эти маленькія птичьи смятенія, тревога и ужасы. Я боюсь, что въ такомъ случаѣ тебѣ покажутся также мелки и смѣшны тѣ тревоги, совѣщанія и смятенія, въ которыя повергла нашу юную чету набѣгающая туча, если только ты самъ не такъ же молодъ, какъ она, и не боленъ одинаково съ нею сладкимъ недугомъ любви. Да, съ высоты директорскаго величія были мило-смѣшны и забавно-жалки эти страданія и тревоги восемнадцатилѣтней пары, но тѣмъ не менѣе это были страданія дѣйствительныя, глубокія и развѣдающія страданія, которыя при недозрѣлости мыслящей, столь свойственной молодости, могутъ кончиться ро-

ковой глупостью — будетъ-ли то самоубійство или бракъ, разстраивающій всю жизнь.

— Гриня! Другъ мой, я ни за что не пойду за него (онъ — былъ, разумѣется, нашъ знакомый Елабужскій) — робко прижимаясь къ кузену, говорила Веточка.

— Веточка, я тебя ни за какія сокровища въ мірѣ не уступлю ему, — говорилъ Гриша. — И все это закрѣплялось, — если только обстоятельства благопріятствовали, — самымъ пріятнымъ и искреннимъ, хотя — увы! — однимъ изъ самыхъ непрочныхъ удостовѣреній, крѣпкимъ обниманіемъ съ однимъ или нѣсколькими горячими запечатлѣніями поцѣлуевъ.

Но, однако-жъ не все искать спасенія въ однихъ поцѣлуяхъ. Хотя надо отдать справедливость молодымъ людямъ, они не пропускали никогда удобныхъ къ тому случаевъ, надо было подумать не на шутку о способѣ, которымъ привести въ исполненіе свое неизмѣнное рѣшеніе — не разлучаться. Со стороны Веточки вопросъ рѣшался просто — она откажетъ Елабужскому и будетъ отказывать всѣмъ женихамъ, хотя бы въ ихъ числѣ былъ какой-нибудь китайскій сынъ неба, до тѣхъ поръ, пока не представится возможность скрѣпить ея союзъ съ Гришей благословеніемъ церкви. Но со стороны Гриши дѣло оказалось гораздо сложнее.

Гриша настолько любилъ и уважалъ кузину, настолько самъ понималъ позоръ, который падаетъ на бѣдную дѣвушку, неустоявшую противъ силы страсти и распорядившуюся собою безъ церковнаго разрѣшенія, что, разумѣется, видѣлъ одну только возможность увѣнчать свою любовь истинно-дѣйствительнымъ увѣнчаніемъ ея, по христіанскому обряду, въ церкви. Но жениться ему, не кончившему курса, на Лизѣ теперь? Какъ заикнуться объ этомъ отцу?

— Сколько вамъ отъ роду лѣтъ, Григорій Ивановичъ? — спросить его Иванъ Григорычъ своимъ мягкимъ голосомъ, и сынъ долженъ будетъ мрачно отвѣтствовать:

— Скоро девятнадцать.

— Да, еще нѣтъ и девятнадцати! — Ну, и окончили вы курсъ наукъ, будетъ съ злокозненною мягкостью допытываться отецъ?

И Гриша вынужденъ будетъ ему отвѣтить, что «надѣется кончить въ нынѣшнемъ году».

— А чѣмъ, скажетъ, вы будете содержать себя и свою супругу, такъ какъ первое время, конечно, не можете рассчитывать на большое жалованье, а я вамъ не могу дать болѣе.... Да! «говорилъ уже про себя Гриша», я увѣренъ, онъ назоветъ

при этомъ самую ничтожную сумму и прибавить, что дѣла его не въ порядкѣ, что у него есть и другія дѣти, словомъ, что не дастъ ни согласія, ни денегъ!—это вѣрно, какъ смерть. А имѣніе на бѣду все родовое съ отцовской стороны».

Да, Гриша все это зналъ и говорилъ себѣ! Онъ зналъ, что къ этому будутъ прибавлены пошлыя замѣчанія о равенствѣ лѣтъ, объ испорченной карьерѣ и проч. и проч. И что еще хуже,—въ глубинѣ души Гриша сознавалъ, что эти пошлыя замѣчанія были справедливы! Онъ самъ, подумывая о женитьбѣ, со вздохомъ долженъ былъ въ это время отказать себѣ въ мечтаніяхъ о карьерѣ, успѣхѣ въ свѣтѣ, и, что главное, въ свободѣ, свободѣ отдаться всецѣло какому-нибудь большому дѣлу, отдаться, не думая о себѣ, не заглядывая въ будущее.... А это будетъ великое лишеніе! Можетъ быть, Гришѣ Махмурову не встрѣтится такого дѣла и онъ всю жизнь проведетъ самымъ безтолковымъ, избитымъ и пошлымъ образомъ — все это такъ! но въ восемнадцать лѣтъ отречься отъ этихъ высокихъ мечтаній и обрекать себя заботамъ узкой семейной жизни, для человѣка мыслящаго и стремящагося къ высокимъ идеаламъ—это дѣло не легкое!

Вообще, чѣмъ долѣе думалъ о своемъ положеніи Гриша, тѣмъ яснѣе онъ видѣлъ, какъ плотно нити обыденной, общественной и семейной жизни оплетаютъ кругомъ человѣка и какъ трудно, когда захочешь, порвать ихъ и выйти на свою дорогу. Собственно говоря, неодолимыхъ препятствій къ ихъ браку не было ни одного, но всѣ препятствія, вмѣстѣ взятые, требовали большой воли съ обѣихъ сторонъ, чтобы преодолѣть ихъ, и препятствія были не только со стороны ихъ родителей, но во всемъ складѣ окружающей жизни. Правду говорилъ ему Полярскій, что они слишкомъ молоды другъ для друга, что между ними стоитъ стѣна обычая и что каждый долженъ, если захочетъ, пробиваться сквозь нее—какъ сумѣетъ. А какъ сумѣетъ въ его положеніи?—спрашивалъ себя Гриша, и не находилъ отвѣта.

Гриша попытался объяснить свои недоумѣнія Лизѣ.

— Моя возлюбленная, — говорилъ онъ, — намъ нельзя жениться тотчасъ. Во-первыхъ, я не кончилъ курсъ, во-вторыхъ—и Гриша нѣсколько покраснѣлъ при этомъ—я по закону еще несовершеннолѣтній. Намъ надо ждать, пока я выйду изъ университета и получу мѣсто, ждать по крайней мѣрѣ года два...

— О, какъ это долго, Гриня!—говорила Веточка. — Но все равно, я готова ждать сколько хочешь, ждать до тѣхъ поръ,

пока состарѣюсь, какъ мамá! Мамá, говорятъ, такая же была съ-молоду, какъ и я: только ты женишься ли тогда на мнѣ, Гриня?

— До этого не дойдетъ, надѣюсь, ангель мой! — отвѣчалъ Гриня. — Но, потомъ я боюсь, что мы никогда не получимъ согласія родителей и намъ придется обойтись безъ него. Ты на это рѣшишься?

— Нѣтъ, Гриня! — подумавъ, робкимъ голосомъ сказала Лиза. — Я никогда не рѣшусь идти противъ воли папá и убить ее — она такая добрая и слабая. И потомъ, я не хочу ни за что и тебя ссорить съ твоимъ папá. Но мы ихъ упросимъ, Гриня, они согласятся — я увѣрена — я такъ, я такъ буду просить ихъ, что они согласятся!

И личико Лизы приняло при этомъ такое умоляющее выраженіе и это выраженіе было такъ трогательно и такъ прелестно, что, увидавъ его теперь еще только говорящимъ о молебѣ, Гриша началъ вѣрить, что дѣйствительно Лиза все можетъ выпросить, ибо по его соображенію надобно быть слѣпымъ, глухимъ и имѣть каменное сердце, чтобы отказать въ чемъ-нибудь такой молящей прелести. У Гриши, по крайней мѣрѣ у самого, только глядя на Веточку, чуть не выступили слезы на глазахъ и онъ, не зная, чѣмъ утѣшить это умоляющее личико, покрылъ его все поцѣлуями. Средство оказалось дѣйствительно очень хорошимъ, утѣшающимъ средствомъ.

— Вѣрю, ангель мой! — Тебѣ нельзя отказать, — но что мы будемъ дѣлать теперь, когда посвѣтается Елабужскій? — спрашивалъ однакожъ Гриша. — Ты будешь отказывать, у тебя станутъ допрашивать о причинахъ отказа! — Надо будетъ открыть имъ нашу любовь и тогда они закидаютъ насъ доказательствами о ея неудобствахъ, несообразности и, надо правду сказать, Веточка, они будутъ отчасти правы, потому что дѣйствительно съ установившейся точки зрѣнія и при нашихъ обстоятельствахъ...

— Гриня, да ты скажи прямо: — ты не хочешь жениться на мнѣ? Ты меня не любишь? — вся поблѣднѣвъ, вмѣсто отвѣта, прервала и спросила Лиза.

— Полно! полно! ангель мой! — Какъ тебѣ не стыдно это думать, — говорилъ Гриша, утѣшая кузину извѣстнымъ ему образомъ, хотя въ то же время въ глубинѣ души чувствовалъ, что Лиза касается какого-то уже чувствительнаго и можетъ готоваго заболѣть мѣста, ибо о любви говорить нечего: она была выше всякаго подозрѣнія и самой высокой пробы, но женитьба дѣйствительно представляла нѣкоторыя шероховатости.

— Нѣтъ, чувствую я, что ты меня не любишь, — говорила Веточка, наивно смѣшивая въ своихъ понятіяхъ мысль о любви и женитьбѣ. — Ты вездѣ видишь препятствія, — и Лиза горько заплакала.

— Веточка, — обиженно сказалъ Гриша, — чѣмъ я подалъ тебѣ право обижать меня и мнѣ не вѣрить?

Гриша, самъ того не сознавая, употребилъ съ своей кузиной маневръ, который одинъ въ состояніи мгновенно переубѣдить женщину. Попробуйте доказывать ей, что она несправедлива: вы потратите пропасть времени и въ концѣ-концовъ все-таки не переубѣдите ее — она можетъ утихнуть, можетъ смириться, но въ душѣ ея останется все-таки непоколебленный корешокъ увѣренности въ томъ, что она права и корешокъ этотъ при первомъ удобномъ случаѣ дастъ ростки, а можетъ и плодъ. Но попробуйте изъ оборонительнаго положенія стать въ наступательное, начните, вмѣсто того, чтобы оправдываться, обвинять сами, и изъ десяти разъ девять легко успѣете: женщина, особенно женщина любящая, забудетъ свои жалобы и станетъ защищаться. Не даромъ этотъ способъ въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ проповѣдывалъ такой опытный знатокъ женщинъ, какъ Турчановъ.

Такъ было и съ Лизой. Глазки ея немедленно просвѣтлѣли и улыбнулись сквозь непрсохшія еще слезы — лѣтнее солнце сквозь крупныя и рѣдкія капли переставшаго дождя такъ блеститъ и грѣетъ — личико ея снова зарумянилось и она горячо припала къ груди Гриши.

— Ну, виновата, Гриня! Ну, я ошиблась! Но зачѣмъ ты такъ говоришь о препятствіяхъ? — говорила она, смотря ему въ глаза.

— Потому, мой другъ, — покровительственно и нѣсколько наставительно сказалъ Гриша, — что препятствія эти дѣйствительно существуютъ и не надобно закрывать на нихъ глаза, чтобы съ ними сладить. Полярскій былъ правъ, говоря, что въ интеллигентномъ классѣ между молодыми людьми нашихъ лѣтъ встаетъ стѣна обычая, которую трудно проломить.

— Полярскій! Ахъ, вѣдь онъ умный, Гриня! Значитъ, правда, если сказалъ онъ! Но онъ не говорилъ, что же тутъ дѣлать?

— Онъ сказалъ, что каждый долженъ пробиваться самъ, какъ знаетъ, и вотъ я теперь и думаю, какъ намъ пробиться сквозь нее.

— Милый! — въ припадкѣ сострадательной нѣжности къ умственнымъ усиліямъ своего возлюбленнаго сказала Лиза, умильно продолжая глядѣть на него. И вдругъ глазки ея сверкнули: она сама придумала, какъ помочь своему затрудняющемуся другу.

— А знаешь, Гриня, — сказала Веточка, — не посовѣтоваться ли намъ съ Полярскимъ? Онъ все знаетъ и такъ ясно понимаетъ и объясняетъ все!—Видно было, что Полярскій произвелъ глубокое впечатлѣніе на умъ Лизы еще въ ея отрочествѣ и остался съ тѣхъ поръ непоколебимымъ авторитетомъ.—Посовѣтуйся съ нимъ, Гриня, — добавила она.

— Но какъ же, — въ раздумьи сказалъ Гриша, которому самому эта мысль улыбнулась, ибо такъ пріятно свалить собственное бремя на дружескія плечи, — но какъ же это сдѣлать? Я его такъ мало знаю, чтобы обратиться къ нему.

— Ничего, Гриня! Онъ такой добрый и такъ любитъ меня! Скажи, что я прислала тебя — онъ не откажется! Я бы сама попросила, но мнѣ, ты понимаешь, неловко говорить объ этомъ, а онъ присовѣтуетъ отлично, и какъ скажетъ, такъ мы и будемъ дѣлать.

— Хорошо, — сказалъ Гриша въ раздумьи, — я попытаюсь.

Но тутъ долгое совѣщаніе, которое происходило наверху въ половинѣ Махмуровыхъ, куда Веточка отправилась подъ предлогомъ взять изъ бібліотеки дяди книгу, «такъ какъ кузень Гриша теперь въ университетѣ вѣрно, и его попросить нельзя», прибавила она — было прервано приходомъ горничной, которую прислала Анна Павловна, смекнувшая, что книга не отыскивается что-то черезчуръ долго.

— Анна Павловна — сказала петербургская горничная — просить васъ поскорѣе выбрать книгу, такъ какъ онѣ *скупились* ждать.

— Иду, иду! — сказала Лиза, по счастью нашедшая книгу еще до встрѣчи съ кузеномъ.

ГЛАВА VIII.

Гриша Махмуровъ на другой же день зашелъ къ Полярскому. Ему отворила дверь служанка.

— Дома Александръ Петровичъ? — спросилъ Гриша.

— Нѣтъ, они вышедши, — отвѣчала служанка.

— А въ какое время онъ бываетъ дома, мнѣ бы пужно его повидать? — продолжалъ спрашивать Гриша.

— А разное! И по утрамъ бываетъ, а когда и по вечерамъ, — получилъ онъ въ отвѣтъ.

— До котораго часа по утрамъ? — допытывался Гриша.

— А тоже разное. Иногда, какъ встануть, уйдуть, а когда таеъ до должности, али и совсѣмъ не выходятъ.

Указанія эти были не такого рода, чтобы ими можно было удовлетвориться, даже придя и не по дѣламъ сердца. Но дѣлать было нечего. Гриша видѣлъ, что складъ умственныхъ способностей особы, вышедшей отворить ему дверь, былъ такого рода, что добиться болѣе положительнаго отвѣта на свой вопросъ было не легко. Онъ хотѣлъ уже уходить, когда на его счастье по комнатѣ, примыкавшей къ прихожей, проходила жена Полярскаго и увидѣла Гришу въ отворенную дверь.

Гриша ей поклонился; Надежда Ивановна подошла ближе къ двери, чтобы всмотрѣться.

— Вотъ, спрашиваютъ, когда можно видѣть Александра Петровича,—сказала служанка.

— Ахъ, это вы! — повидимому узнавъ Гришу, сказала Полярская.—Александръ вышелъ. Вамъ, можетъ быть, нужно что-нибудь передать ему?

— Нѣтъ, я бы хотѣлъ самъ поговорить съ Александромъ Петровичемъ по одному дѣлу. Когда я могу застать его, не боясь ему помѣшать?—сказалъ Гриша.

— Да лучше всего передъ вечеромъ, тутъ онъ всегда свободенъ, если не выѣзжаетъ. Вотъ сегодня, на примѣръ, часовъ около семи онъ будетъ дома.

— Въ такомъ случаѣ я зайду къ нему въ это время,—сказалъ Гриша и, откланявшись, вышелъ.

Но если бы Гриша промедлилъ минутку, то получилъ бы, вѣроятно, другой назначенный часъ для свиданія съ Полярскимъ, ибо Надежда Ивановна, пригласивъ его сегодня, тотчасъ же по его уходѣ вспомнила, что это былъ ихъ назначенный день, когда по вечерамъ собирались къ ея мужу его литературные пріатели. Она хотѣла воротить Махмурова, но подумала:

«Впрочемъ, я ему сказала въ семь часовъ, а они собираются позднѣе и онъ успѣетъ переговорить съ Александромъ». И она не пыталась воротить Махмурова, и назначенный часъ не былъ отмѣненъ.

Вѣрный назначенію, Гриша Махмуровъ ровно въ 7 часовъ позвонилъ у двери Полярскаго, и его приняли. У него дѣйствительно еще не было никого изъ гостей. Гришу провели въ кабинетъ, гдѣ за большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ безпорядочно разбросанными книгами, бумагами, газетами и корректурами, сидѣлъ Полярскій. Онъ что-то читалъ, но положилъ книгу и правѣтливо всталъ на встрѣчу Махмурову.

— Здравствуйте! Вы забыли меня, — сказалъ онъ, пожимая руку Гришѣ. — Ну, что, какъ поживаютъ мои добрыя знакомыя? Здоровы?

— Здоровы! — Благодарю васъ! Анна Павловна не знаетъ, что я къ вамъ собирался, но Елизавета Николаевна поручила мнѣ передать ея искренній поклонъ, и я отчасти по ея настоянію пришелъ къ вамъ.

— Садитесь! — Я къ вашимъ услугамъ и очень радъ, если могу быть вамъ или ей чѣмъ-нибудь полезенъ.

Гриша сѣлъ и мять свою студенческую шляпу — не въ форменной одеждѣ безъ треугольной шляпы и шпаги ходить въ то время студенту, не желающему попасть подъ арестъ, было такъ же опасно, какъ и офицеру. Предметъ разговора былъ очень щекотливъ и приступъ къ нему затруднителенъ.

— Елизавета Николаевна, — сказалъ наконецъ Гриша, прокашливаясь, потому что чувствовалъ, что какъ будто что у него засѣло въ горлѣ — Елизавета Николаевна — ему легче было валить все на нее, зная ваше доброе расположеніе къ ней, поручила мнѣ просить вашего совѣта. Надобно сказать, что мы... т.-е. я и она, находимся въ затруднительномъ положеніи... Мы... или, лучше сказать, я не послушался вашего совѣта, который, помните — вы мнѣ дали? То-есть, по правдѣ сказать, вашъ совѣтъ — былъ сдѣланъ уже поздно... и мы теперь не знаемъ, что намъ предпринять.

При упоминаніи о совѣтѣ, брови Полярскаго нѣсколько нахмурились — очевидно — онъ его забылъ и припоминалъ, но дальнѣйшія слова Махмурова ему вѣроятно все объяснили и голубоватые глаза Полярскаго заиграли веселой улыбкой.

— Словомъ? — вы влюбились другъ въ друга, какъ и слѣдуетъ порядочнымъ молодымъ людямъ, которые видятся каждый день и вдобавокъ были нѣсколько уже притянуты легкими узами вузинажа — такъ?

— Да! — нѣсколько краснѣя, но вмѣстѣ и не безъ самодовольства, — сказалъ Гриша.

— Ну, и не знаете, что дѣлать съ вашей пламенной любовью?

— Да, наше положеніе очень затруднительно, тѣмъ болѣе, что за Елизавету Николаевну, кажется, намѣренъ свататься одинъ значительный господинъ, — сказалъ Гриша.

— Даже и женихъ представляется, слѣдовательно торопится развязку! — Ну, а отказать ему просто-на-просто — и оттянуть дѣло развѣ нельзя?

— Чтобы отказать—нужно будетъ открыть отцу и теткѣ причину отказа,—а мы полагаемъ, что они не найдутъ ея уважительной и, пожалуй, примутъ мѣры, чтобы насъ разлучить,—сказалъ Гриша.

— Да!—замѣтилъ Полярскій,—что прикажете дѣлать! Если первое положеніе невѣрно, то и всѣ логическіе выводы будутъ непремѣнно ложны. Конечно, нѣтъ ничего естественнѣе взаимной любви въ вашемъ возрастѣ, а между тѣмъ въ дѣйствительности—вотъ подите!—жизнь нашего круга такъ отошла отъ естественныхъ условій, что эта самая естественная любовь становится въ разрѣзъ съ обычаемъ и не можетъ найти выхода! Вѣдь, конечно,—если вы не захотите удовольствоваться положеніемъ рыцаря Тогенбурга, такъ вамъ предстоитъ одно—жениться. Но, надо признаться, что возраженія, которыя сдѣлаютъ противъ этого ваши родители, будутъ весьма основательны.—Вѣдь вы и сами это, конечно, видите?

— Дѣйствительно,—сказалъ Гриша, нѣсколько смущаясь,—я и самъ вижу, что женитьба имѣетъ большія неудобства.

— Вотъ видите ли! И потомъ, такъ какъ вы пришли за советомъ, то не разсердитесь, если я буду вполне откровененъ.—Въ васъ и Елизаветѣ Николаевнѣ, по моему мнѣнію, кромѣ молодости лѣтъ, есть еще препятствіе къ браку, безъ согласія родителей, словомъ, къ браку въ вашемъ положеніи: у васъ у обоихъ не выработался еще характеръ, нѣтъ той твердости и увѣренности въ своихъ силахъ, какія нужны для борьбы съ жизнью, которая вамъ представится въ случаѣ женитьбы, и я боюсь, что тяжесть и непріятность этой борьбы скоро бы подавила то счастье, которое даетъ удовлетворенное чувство...

— Почему же вы это думаете?—спросилъ, покраснѣвъ, Гриша Махмуровъ.

— Потому что Елизавету Николаевну я знаю съ дѣтства: это прелестная дѣвушка, но дѣвушка, какъ и большинство ихъ у насъ, воспитанная въ пеленкахъ и, что еще хуже, привыкшая къ этимъ пеленкамъ: она нѣжна, какъ былинка—ее легко склонить—но ждать отъ нея твердости и помощи въ борьбѣ—значить обманывать себя! Ее самое надо заслонять и лелѣять, потому что малѣйшая невзгода можетъ сломить ее.

Гриша молчалъ. Онъ видѣлъ, что Полярскій правъ относительно Лизы, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ духа сказать ему:—«А я на что?—Я защищу ее...»

Полярскій видѣлъ, что ему приходится досказывать вещь щекотливую, но онъ не остановился.

— Васъ,—сказалъ онъ,—я знаю очень мало и, можетъ быть, понимаю ошибочно, но мнѣ кажется, что и въ васъ недостаетъ еще твердости—особенно твердости на двоихъ, которая бы вамъ нужна была въ случаѣ женитьбы. Извините, если это я говорю прямо: вамъ недостатокъ—недостатокъ обще-русской жизни. Мы развиваемся и крѣпнемъ поздно, если только крѣпнемъ,—прибавилъ Полярскій.

— Но почему же вы такъ думаете обо мнѣ?—смущенно, но не сердясь и заставляя себя улыбнуться, чтобы показать, что онъ не сердится, спросилъ Махмуровъ.

— Да хоть потому, что рѣшительный человѣкъ не пришелъ бы спрашивать, что ему дѣлать, а пришелъ бы сказать—«я рѣшился жениться», и попросилъ бы, если ему нужно, помочь въ этомъ.

— Это не совсѣмъ такъ,—сказалъ Гриша, нѣсколько покраснѣвъ:—онъ видѣлъ, что ему слѣдуетъ высказаться вполне откровенно, и рѣшился на это.

— Я бы не задумался надъ женитьбой,—сказалъ онъ,—не смотря на всѣ преграды, но я буду откровенно говорить съ вами... Всякій человѣкъ, особенно моихъ лѣтъ, мечтаетъ что-нибудь сдѣлать, посвятить себя всего какому-нибудь большому дѣлу, хотя бы оно требовало самопожертвованія и разныхъ лишеній... Я тоже, признаюсь, мечталъ объ этомъ дѣлѣ и мнѣ тяжело отказаться отъ него; а мнѣ кажется, что, женившись, я долженъ буду это сдѣлать.—Я буду связанъ и долженъ буду посвятить себя только заботамъ чисто личнымъ и семейнымъ: вотъ чего мнѣ особенно жаль, хотя, можетъ быть, я жалѣю объ одной мечтѣ.

— Безъ этой мечты, батюшка, идеаломъ человѣка дѣлается предсѣдательское мѣсто въ какой-нибудь палатѣ или директорство въ департаментѣ.—Есть у насъ заведенія, которыя специально лелѣютъ эти мечты, но, слава Богу, вы не попали въ нихъ и вы правы, что оберегаете свою. Въ томъ-то и есть трагизмъ вашего положенія, что для разрѣшенія самаго естественнаго изъ чувствъ—представляется борьба самая непронзводительная и тяжелая и нужны силы на нее, выходящія изъ ряда, особенно съ такой женой, которая не только не въ состояніи поддержать и помочь въ борьбѣ, а сама потребуетъ поддержки! Ваши родители перечтутъ цѣлый списокъ препятствій и неудобствъ ранней женитьбы—все, что говорится обыкновенно въ этомъ случаѣ и что всякій знаетъ наизусть, и изъ десяти случаевъ въ девяти они будутъ правы! Тутъ нѣтъ виноватыхъ или,

пожалуй, всё виноваты!... Вотъ почему я и хотѣлъ предупредить васъ въ первую встрѣчу, когда думалъ, что еще есть время!

Гриша слушалъ, опустивъ голову.

Съ минуту длилось молчаніе. Полярскій ходилъ по комнатѣ.

— Что же дѣлать... когда дѣло сдѣлано?—спросилъ, наконецъ, Гриша.

— Да, вамъ самимъ хорошо извѣстны всевозможные выходы изъ вашего положенія и вы, конечно, не ожидаете, чтобы я открылъ какой-нибудь новый,—сказалъ Полярскій.—Но если вы хотите, чтобы я вамъ сказалъ, который изъ этихъ выходовъ, по моему мнѣнію, самый лучший для васъ, то я вамъ долженъ отвѣтить прямо, что обыкновенно самый протоптанный, обыденный выходъ всегда самый удобный!—Я вамъ не скажу, какъ говорить обыкновенно въ этихъ случаяхъ: постарайтесь забыть другъ друга—это произвольно не дѣлается; но я скажу: постарайтесь владѣть своимъ чувствомъ и не давать ему завладѣть совсѣмъ вами, а это, судя по вашей разсудительности, надѣюсь, для васъ будетъ возможно.

Гришу покорило отъ этого послѣдняго замѣчанія: признавать во влюбленномъ разсудительность не значитъ ли это сказать ему другими словами, что его чувство—ничтожное чувство.

— Я боюсь, что вы придаете моей разсудительности болѣе силы, чѣмъ въ ней есть,—сказалъ Гриша.

— Нѣтъ!—возразилъ Полярскій: вы сами видите неудобства вашего положенія, а это уже много, и я очень радъ за васъ, потому что я не сторонникъ пламенныхъ и безумныхъ страстей, хотя никто не поручится, что отъ нихъ застрахованъ. Это своего рода болѣзнь, какъ воспаленіе мозга или горячка, при которыхъ умъ теряетъ способность здраво судить о вещахъ: что-жъ въ этомъ хорошаго! И каковы могутъ быть рѣшенія, которыя принимаются при подобномъ положеніи мозга? Затѣмъ я вамъ долженъ сказать еще, что въ дѣйствительности вещи не такъ страшны, какъ кажутся на словахъ! Если жизнь, обычаи и воззрѣнія какого-нибудь кружка такъ сложились, что становятся иногда поперекъ естественнымъ чувствамъ или потребностямъ, то въ этихъ случаяхъ практическая жизнь всегда надѣлаетъ тропинокъ, которыми обходятся эти препятствія или облегчается переходъ черезъ нихъ.—Я вамъ, конечно, не посоветую идти окольными дорогами, да и не могу предвидѣть, въ какую сторону онѣ откроются;—я хотѣлъ только сказать, что жертвы, которыя отъ васъ потребуются въ дѣйствительности, могутъ быть вовсе не такъ суровы, какъ онѣ кажутся. Чувства и сами по себѣ не вѣчны,

они такъ же, какъ и все живое, рождаются, развиваются и умираютъ! Не давайте пищи вашему чувству, и оно незамѣтно погаснетъ или понизится до температуры простой привязанности.

Полярскій замолчалъ и Гриша увидалъ, что собственно совѣщаніе кончено. Онъ остался недоволенъ имъ. Полярскій не сказалъ ему ничего поваго, не указалъ никакого особеннаго выхода, хотя Гриша долженъ былъ согласиться съ словами Полярскаго, что дѣйствительно никакого особенно-новаго выхода онъ и не могъ ему указать. Болѣе того: въ глубинѣ души Гриша сознавалъ, что Полярскій далъ ему самый разумный и вѣрный совѣтъ, но ему было больно, что Полярскій построилъ этотъ совѣтъ на анализѣ его собственныхъ чувствъ и помысловъ, и анализъ совершенно вѣрномъ; и какъ ни бережно старался высказать Полярскій свои замѣчанія, какъ ни смягчалъ и ни маскировалъ онъ тѣ слабыя стороны Гришинаго характера, о которыхъ долженъ былъ упомянуть, но все же ясно было, что онъ замѣтилъ и слабость Гришиной любви, неспособной на самопожертвованія, и неустойчивость его воли, и боязнь, которую внушала ему женитьба. Даже самое утѣшительное указаніе на смягчающее вліяніе практической жизни тайно говорило Гришѣ, что данный совѣтъ можно было предложить только слабо-характерному, еще юному, но уже пропитанному—какъ тогда говорили, рефлексіей—а по-просту нерѣшительностью человѣку.

— Признаюсь,—сказалъ Гриша не безъ нѣкоторой горечи,— что я ожидалъ отъ васъ совсѣмъ другого совѣта, судя по тому, какъ вы сами, — если не ошибаюсь, — поступили въ подобномъ случаѣ.

Полярскій, какъ было извѣстно, увезъ свою молодую родственницу и женился на ней безъ согласія родныхъ.

— О, наше положеніе было совсѣмъ другое,—сказалъ Полярскій, не сдержавъ улыбки, которую вызвало въ немъ Гришино сравненіе себя съ нимъ, Полярскимъ! — Во-первыхъ, мое положеніе было самостоятельнѣе вашего: я уже видѣлъ передъ собою дорогу, по которой могъ и хотѣлъ идти; потомъ, между мной и женой разница лѣтъ была болѣе соотвѣтствующая браку, нежели у васъ съ Елизаветой Николавной, и оба мы были старше васъ. Наконецъ, у моей жены совсѣмъ другой характеръ и силы, чѣмъ у вашей кузины, и то, что въ состояніи вынести она, не въ силахъ бы было вынести такое нѣжное существо, какъ ваша прелестная Веточка. Да и у меня мать саксонка, а саксонцы народъ упрямый! И это также надо принять въ соображеніе, батюшка: съ свойствами крови тоже ничего не подѣлаешь!—при-

бавилъ Полярскій. — Я знаю, мой совѣтъ не удовлетворитъ ни васъ, ни Елизаветы Николаевны, что же дѣлать! Это участь всѣхъ, такъ-называемыхъ благоразумныхъ совѣтовъ. Но очень можетъ быть, что онъ и не благоразуменъ! Передайте его вашей кузинѣ, но скажите ей, что я его давалъ, потому что очень люблю ее и можетъ быть слишкомъ боюсь за ея силы. Если же она почувствуетъ или вы замѣтите, что, напротивъ, отказъ отъ любви будетъ для нея убійственнѣе борьбы, что у нея достанетъ силъ на эту борьбу, тогда боритесь, защищайтесь сколько можете, переговорите съ родителями, словомъ, уступайте шагъ за шагомъ! Но помните одно: что и борьба, и отказъ отъ борьбы не должны быть выше силъ милѣйшей Елизаветы Николаевны и на васъ, какъ на сильнѣйшемъ и опытнѣйшемъ, должна лежать обязанность наблюдать за этимъ и беречь ее. Прежде всего надо остерегаться, чтобы не отдать жизнь на жертву чувству: Елизавета Николаевна созданіе прелестное, но нѣжное и хрупкое. Берегите ее: вотъ все, что я вамъ могу посовѣтовать.

Полярскій протянулъ руку Гришѣ и тотъ молча пожалъ ее. Гриша поклонился и хотѣлъ выйти, когда Полярскій, которому жаль было, казалось, отпустить юнаго Махмурова съ этими тяжелыми словами и который, зная дѣйствующихъ лицъ, казалось, смотрѣлъ на ихъ любовь, какъ на юное и неглубокое чувство, сказалъ Гришѣ:

— Васъ не ждетъ сейчасъ ваша кузина? Если такъ, то надо дать всегда немного осѣсться впечатлѣніямъ, да притомъ неутѣшительныя вещи всегда успѣешь сказать....

— Нѣтъ! Я сегодня и не рассчитываю увидеть Елизавету Николаевну, — сказалъ Гриша; она на вечеръ у своихъ знакомыхъ.

— Въ такомъ случаѣ, не хотите ли провести вечеръ съ нами: у меня будутъ кое-кто изъ литературныхъ пріятелей и вамъ, можетъ быть, пріятно будетъ послушать наши споры.

Гриша поклонился.

— Такъ кладите вашу шляпу и пойдемте въ гостиную, тамъ ужъ кажется кто-то есть.

ГЛАВА IX.

Дѣйствительно, пока Полярскій разсуждалъ съ молодымъ Махмуровымъ, колокольчикъ раза два звонилъ въ прихожей, но, вѣроятно, или приходившіе имѣли привычку входить прямо въ гостиную, или ихъ предупреждали, что Полярскій занятъ; но въ кабинетъ никто не входилъ. Когда же Полярскій растворилъ двери и, пропустивъ Махмурова впередъ, вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ гостиную, они нашли хозяйку за самоваромъ, который только-что внесла горничная, и двухъ человѣкъ гостей о чемъ-то горячо спорившихъ.

— Какъ! Я ихъ не знаю? Да какъ же мнѣ ихъ не знать, когда во мнѣ самомъ течетъ ихъ подлая кровь!—говорилъ, стуча себя во впалую грудь и быстро ходя по комнатѣ, еще молодой человѣкъ, невысокаго роста, худой съ иззелена-красноватымъ лицомъ и свѣтло-русыми всклокоченными волосами. Онъ былъ болѣзненъ, нехорошъ собою, но умные, то горячо вспыхивающіе, то ласково-смотрящіе голубоватые глаза, красивый лобъ, нервная, въ высшей степени впечатлительная воспріимчивость и особенно отзывчивая страстность, въ искренности которой съ первыхъ словъ никто не могъ сомнѣваться, дѣлали его наружность пріятной и сочувственной: это былъ Семирѣченскій, извѣстный критикъ того времени, ненавидимый литераторами стараго закала, дорогой другъ и талантливѣйшій выразитель мнѣній молодого кружка.

— Душа моя!—ты все-таки не жилъ ихъ жизнью, жизнью ихъ жалкой и грубой—не жилъ ты!—мягкимъ голосомъ и какъ-то нѣжно возражалъ ему человѣкъ лѣтъ тридцати, съ широкимъ лбомъ, маленькими, узкими, далеко разставленными, карими глазами, рѣдкими волосами и неправильнымъ русскимъ лицомъ.

Махмуровъ узналъ, что это былъ Щепоткинъ, сынъ одного богатаго московскаго купца, оставившій торговлю для самообразованія, дѣйствительно ставшій замѣчательно-образованнымъ человѣкомъ и страстнымъ поклонникомъ изящнаго въ литературѣ, искусствахъ и музыкѣ.

Когда Полярскій вошелъ, Семирѣченскій бросился-было къ нему, кажется съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его посредникомъ спора, но, увидавъ незнакомаго человѣка, сейчасъ какъ-то сжался.

— Мой молодой пріятель, Махмуровъ,—сказалъ Полярскій, представляя Махмурова:—студенческій мундиръ дѣлалъ поясненія излишними. Семирѣченскій оглянулъ его и искренно пожалъ ему руку; то же сдѣлалъ Щепоткинъ, и споръ готовъ былъ снова за-

вязаться, еслибы въ это время не раздался колокольчикъ въ прихожей.

— Это они должны быть! — сказалъ Семирѣченскій и бросился въ прихожую.

Щепоткинъ и Полярскій пошли за нимъ, но Полярскій остановился на минуту и, указавъ Махмурову на сидѣвшаго у стола студента, сказалъ:

— А вотъ вамъ товарищъ, Стаховъ — вы знакомы? — и, не ожидая отвѣта, вышелъ.

Стаховъ, дальній родственникъ Полярскаго, былъ курсомъ моложе Махмурова и шелъ по другому факультету; они почти не знали другъ друга, но Махмуровъ былъ радъ найти себѣ сверстника и сотоварища. Они разговорились.

А между тѣмъ изъ прихожей слышались восклицанія: «Вотъ они!» «Здравствуйте», потомъ поцѣлуй и радостно шумѣвшіе голоса. Вскорѣ всѣ вошли въ гостиную.

Одинъ изъ прибывшихъ былъ худой, высокаго роста и не первой молодости человѣкъ. Это былъ профессоръ словесности Куратовъ, пріѣхавшій изъ Москвы, человѣкъ начитанный, умный, хотя ничѣмъ особенно не замѣчательный. Но онъ былъ человѣкъ честныхъ убѣждений, сочувствующій и близкій молодому кружку и вдобавокъ москвичъ; всѣ присутствующіе и большинство тогдашнихъ лучшихъ молодыхъ дѣятелей были — москвичи изъ кружка незадолго передъ тѣмъ умершаго Станкевича — и всѣ любили Москву.

Другой вошедшій былъ человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, замѣчательной наружности. Онъ былъ хорошаго роста, но худощавъ; большая, съ черными вьющимися волосами, голова была, несмотря на нѣсколько большой и широкой книзу носъ — красива; густыя, черныя брови нависли на выразительные, задумчивые, черные же глаза. Заговорилъ онъ — и голосъ его оказался слабымъ; но весь онъ, несмотря на свои нахмуренныя брови, смотрѣлъ какимъ-то задумчивымъ, мягкимъ, задушевнымъ поэтомъ. Чѣмъ-то гуманнымъ, изящнымъ и поэтичнымъ вѣяло отъ него; а между тѣмъ по занятіямъ это былъ ученый. Это былъ молодой профессоръ исторіи, недавно получившій каѣдру въ московскомъ университетѣ и пріѣхавшій не надолго въ Петербургъ — Бардовскій. Лекціи его не были собственно ученныя лекціи исторіи, передающія сухіе факты. Это были художественныя, великолѣпныя импровизаціи, не только артистически рисующія отжившіе вѣка, но согрѣтыя тѣми возвышенными вдохновляющими чувствомъ и мыслью, которыя воспитываютъ, укрѣпляютъ и вооду-

шевляютъ молодое поколѣніе на все высокое, честное и человѣчное. Съ его лекцій молодежь уходила не столько ученѣе, сколько нравственно лучше и возвышеннѣе. Въ этомъ была вся сила и значеніе молодого профессора.

Куратовъ и Бардовскій только въ этотъ день пріѣхали изъ Москвы, и Полярскій и его пріатели знали, что они должны были придти къ нему вечеромъ. Родные братья послѣ долгой разлуки не встрѣчаются такъ радостно и дружелюбно, какъ встрѣтились прибывшіе съ хозяиномъ, Семирѣченскимъ и Щепоткинъ; и тѣ, и другіе были москвичи, воспитанные болѣею частью однимъ кружкомъ, проникнутые и соединенные одними цѣлями.—Также радостно и дружелюбно пришедшіе поздоровались и съ женой Полярскаго. Спорамъ не было уже болѣе мѣста, разспрашивали про того или другого, передавали поклонны, порученія, новости. Но когда все и про всѣхъ близкихъ и тѣхъ, кто на первый разъ пришелъ на память, было переспрошено, Бардовскій спросилъ:

— Ну, а какъ у васъ? Все также?

Точно холодной водой на огонь упали эти слова — и весь жаръ разговора мгновенно потухъ.

— Нѣтъ, не также—а все хуже и хуже,—сказалъ Семирѣченскій.—Я долженъ писать статью въ десять листовъ, чтобы изъ нихъ осталось шесть.

— Да! Этакъ долго не выдержать!—сказалъ Полярскій.—Приходится либо бросить перо, либо писать для собственнаго удовольствія,—прибавилъ Полярскій. Онъ усмѣхнулся, но глаза его заблестали какимъ-то холоднымъ стекляннымъ блескомъ.

— То-есть, оно особенно не хуже, оно все также,—сказалъ мягко Щепоткинъ,—но Полярскому все хочется заповѣдную струнку трогать, да и Семирѣченскій начинаетъ поворачивать туда же! Я говорю имъ: не нужно, господа! Оставайтесь тамъ, гдѣ были! Не выходите изъ области чистаго искусства и отвлеченныхъ вопросовъ—слава Богу, еще есть многое о чемъ можно и должно говорить—такъ нѣтъ! А все вотъ онъ!—добавилъ Щепоткинъ и кивнулъ на Полярскаго.

— Да вѣдь отвлеченные-то вопросы должны на кого-нибудь работать!—горячо сказалъ Полярскій.—Вѣдь ужъ мы съ этими отвлеченностями договорились до того, что насъ здоровый человекъ, не осилившій Гегеля, понимать перестаетъ.

— А! тебѣ хочется задѣвать за живое мясо,—горячо прервалъ его Щепоткинъ.—Вѣдь этого нельзя, душа моя! Вѣдь этого нельзя! Кто же тебѣ это позволить! Вѣдь всякому своя рубашка

къ тѣлу близка, — говорилъ Щепоткинъ, и его маленькіе глаза заблистали, слабость исчезла и въ мягкомъ тонѣ начала просачиваться какая-то ядовитость нервнаго человѣка, у котораго повели холодной рукой по спинѣ снизу вверхъ.

— Такъ что же? Ты оправдываешь цензорскія неистовства? Ты находишь, что не только нельзя думать о нравственно-больномъ воздухѣ, но нельзя такъ печатно назвать и тотъ, которымъ коровы въ полѣ дышать? — горячо сказалъ Семирѣченскій, останавливаясь передъ Щепоткинымъ.

Ядовитость Щепоткина сейчасъ исчезла.

— Ну, вотъ! Ну, кто-жъ тебѣ говорить, душа моя, за неистовства! — почти нѣжно началъ онъ, и видно, что онъ не могъ иначе относиться къ Семирѣченскому. — Да зачѣмъ же вы сходите съ верхнихъ-то ступеней? Зачѣмъ вы искусство-то тащите на улицу и задѣваете вопросы уличной толпы?

— А зачѣмъ, что на улицѣ живой народъ живетъ, — сказалъ Полярскій, — да еще вдобавокъ кормить насъ съ тобой.

И горячій споръ о томъ: слѣдуетъ ли искусству служить практическимъ цѣлямъ и вопросамъ дня, страстно загорѣлся. Это было въ то время, когда извѣстное знамя «искусство для искусства» стало предметомъ горячихъ споровъ и было потрясено впервые, — когда политико-экономическая и социальная струя начала робко между строкъ пробиваться въ литературѣ. Спорили о гегелевскомъ, «что разумно, то дѣйствительно — что дѣйствительно, то разумно», упоминали и цитировали какого-то Петра Рыжаго, какъ тогда въ шутку и въ письмахъ — боясь назвать его настоящимъ именемъ — называли Пьера Леру. Махмуровъ нѣко-торыхъ вещей просто не могъ понять; языкъ и понятія — отуманенные нѣмецкой философіей, въ которой тогда видѣли науку наукъ и ждали отъ нея разъясненія всѣхъ великихъ вопросовъ — были выше его тогдашняго разумѣнія; при этомъ Махмурову невольно вспомнилась бесѣда охотниковъ-помѣщиковъ, разъ слышанная имъ въ Березовой Еланѣ съ ея бурками, псовинными и черными мясами — тоже ему мало понятная; но онъ не посмѣлъ и помыслить, что образный, картинный и своеобразный русскій языкъ охотниковъ былъ неизмѣримо выше всѣхъ туманныхъ абсолютовъ, субстанцій, личностей и самностей, которыми кишилъ тогдашній языкъ критическихъ и научныхъ статей. Но мысли, которыя высказывались этимъ языкомъ, и глубоко здравый русскій смыслъ, который прорывался, какъ здоровый ребенокъ изъ кисейныхъ пеленокъ — въ этой живой, умной бесѣдѣ лучшихъ представителей литературы, вопросы, поднимаемые ими, такъ далекие отъ обыденныхъ

дрязгъ и личныхъ цѣлей — всѣ проникнутые горячимъ стремленіемъ къ великимъ предметамъ, все это точно на крыльяхъ поднимало молодого Махмурова и, какъ видно было, и его товарища — все раскрывало передъ ними новые и далекіе горизонты. Долго Махмуровъ и его товарищъ, прижавшись въ углу и не проронивъ между собою ни слова, слушали эти споры и бесѣду, въ которыхъ Полярскій и Семирѣченскій высказывали горячія стремленія идти впередъ и по новой дорогѣ, Щепоткинъ и Куратовъ отстаивали сферы отвлеченнаго искусства и мышленія, а Бардовскій, въ роли посредника, историческими примѣрами и характеристиками художественно освѣщалъ то или другое время въ той или другой сторонѣ. Нѣсколько часовъ, то поднимаясь, то ослабѣвая, держалъ разговоръ этотъ высокій строй; не разъ Семирѣченскій послѣ иного особенно затрогивавшаго его слова говорилъ до того страстно и торопливо, что закашливался, задыхался и, докончивъ рѣчь, бросался на стулъ въ изнеможеніи, но снова вскакивалъ и снова спорилъ прерывающимся голосомъ, если что вновь задѣвало его. Щепоткинъ нѣжно останавливалъ его словами: «полно, душа моя, не горячись, это тебѣ вредно, вредно, душа моя», и, чтобы унять Семирѣченскаго, дѣлалъ уступки и смягчалъ свои возраженія. Такъ бы можетъ продолжалось и весь вечеръ, если бы часовъ около двѣнадцати изъ театра не зашелъ добрый малый, представитель свѣтскаго элемента тогдашней молодой литературы, безукоризненно одѣтый Санчикъ Бабаевъ, которому многое прощалось ради его многой... нѣтъ, не любви, но приверженности къ кружку. Приходъ Бабаева разомъ точно разжидилъ атмосферу. Словно раздушеннаго воздуха принесъ онъ съ собою. Онъ началъ рассказывать новости, слухи дня, разговоръ перешелъ на обыденные предметы, да и пора было отдохнуть всѣмъ. Вскорѣ подали легкій ужинъ. Хозяйка, которая во время горячихъ споровъ то шила, то уходила къ дѣтямъ и по хозяйству — вступила въ бесѣду и бесѣда эта приняла живой, легкій складъ умной гостиной. Полярскій далъ тогда волю своей страсти къ остротамъ, каламбурамъ, и этотъ разговоръ, несмотря на свой предметъ, поминутно блисталъ мѣткимъ, острымъ, иногда глубокимъ словомъ и смысломъ подъ игривой формой.

Было уже поздно, когда всѣ стали изъ-за стола и, по обычаю, разомъ взялись за шапки и стали прощаться. Махмуровъ, прощаясь съ Полярскимъ, невольно горячо пожалъ его руку и ниже поклонился: онъ несказанно былъ благодаренъ ему не за совѣты, про которые онъ и забылъ совсѣмъ, но за то, что По-

лярскій приобщилъ его къ этому кругу избранныхъ и далъ ему вкусить хлѣба отъ ихъ трапезы.

— Только бы не вдругъ, не вдругъ бы выходить!—говорилъ Бабаевъ въ прихожей, — а то эти, подлецы дворники, пожалуй, сейчасъ донесутъ, что было тайное собраніе, — и Бабаевъ недружелюбно взглянулъ на молодыхъ студентовъ, къ которымъ вообще относился свысока, теперь безъ толку увеличивавшихъ только толпу.

— И зачѣмъ это Полярскій напускаетъ къ себѣ этихъ безгласныхъ студентовъ, — ворчалъ онъ Щепоткину, котораго пригласилъ по пути подвезти на своемъ лихачѣ.

Но студенты этого не слышали. Нѣкоторое время они молчали вмѣстѣ и потомъ, на раздорожѣ, также молча пожали другъ другу руки. Махмуровъ пѣшкомъ шелъ вплоть до дому, полный мыслей о всемъ слышанномъ. Онъ вспомнилъ о Веточкѣ и разговорѣ ее касающемся, только тогда, когда пришелъ въ свою комнату. Но и тутъ онъ не думалъ, что и какъ скажетъ ей, на что рѣшится, а отложилъ это до утра и долго не могъ заснуть, весь занятый и взволнованный новыми мыслями, новыми не личными, а общественными вопросами, которые толпой вставали и поднимались въ немъ.

М. Авдѣевъ.

